

АНДРЕЙ ТРОЦКИЙ
ПРИГОВОРЕННЫЕ

Майор Девяткин

Андрей Троицкий
Приговоренные

«Автор»

2012

Троицкий А. Б.

Приговоренные / А. Б. Троицкий — «Автор»,
2012 — (Майор Девяткин)

ISBN 978-5-699-55273-3

Он – человек-скала, человек-кремень. Его боготворят сослуживцы из убойного отдела МУРа и до ужаса боятся враги. Преступники уже давно не пытаются его подкупить – все равно взятку не возьмет, да еще и в порошок за это сотрет... Нет, он отнюдь не ангел, не идеальный полицейский. Частенько в работе с нарушителями закона он и сам применяет жесткие и не совсем законные меры. Но при этом он не ищет личной выгоды. В болоте коррупции и лжи он ставит перед собой одну-единственную цель: любой ценой докопаться до истины. Запомните это имя. Его зовут майор Юрий Девяткин... Американка Джейн Майси, сотрудница консалтинговой фирмы, летит в Москву – одна семейная пара попросила ее оказать юридическую помощь в усыновлении ребенка-инвалида из России. Но не успела Джейн приступить к делу, как ее тут же похищают! Поисками американки занимаются опер из МУРа майор Девяткин и адвокат Дмитрий Радченко. Они работают по отдельности, но у них хорошо получается дополнять друг друга...

ISBN 978-5-699-55273-3

© Троицкий А. Б., 2012
© Автор, 2012

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	20
Глава 6	24
Глава 7	28
Глава 8	32
Глава 9	36
Глава 10	40
Глава 11	43
Глава 12	46
Глава 13	50
Глава 14	54
Глава 15	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Андрей Троицкий

Приговоренные

Глава 1

В то утро Джейн работала за чертежной доской. В комнате, выходящей окнами на восток, внешние ставни и створки окон была распахнуты настежь. Ветер стих, на заднем плане – ломаная линия голубых гор, над ними поднимался огненный шар солнца, ближе – поле, покрытое молодым клевером. Радиоприемник был включен, местная радиостанция, как обычно, крутила современную турецкую музыку.

Она увидела Игоря Аносова, русского богача, хозяина поместья, одетого в белые шорты и оранжевую рубашку. По тропинке, петляющей по полю, он уходил от дома, но вдруг повернулся и зашагал обратно. Через несколько минут в дверь постучали. Аносов толкнул дверь и застыл на пороге, стоял и смотрел на Джейн. Казалось, он хотел сказать нечто очень важное, но вдруг позабыл все слова. Затянувшееся молчание сделалось неловким. Наконец он откашлялся:

– Пошел гулять... И подумал: вы мне компанию не составите?

– У меня много работы.

– Давайте обсудим дела на прогулке. Лучше, чем сидеть в четырех стенах в такое утро.

Они погуляли по клеверному полю, дошли до подножья холма, поднялись на него. Грунтовая дорога шла между огромными валунами, разогретыми солнцем. Изредка по этой дороге пастухи из дальних деревень гоняли скот нагорные пастбища. И снова наступала тишина, а человека не увидишь хоть целую неделю.

Шли молча. Джейн украдкой бросала взгляды на Аносова. Он выглядел прекрасно, длинные до середины шеи волнистые волосы, слегка тронутые сединой, высокий лоб, прямой нос, яркие голубые глаза. В нем было столько обаяния и мужественной красоты, и одна только мысль, что этот человек, рожденный покорять женские сердца, быть душой общества, вдруг решил на добровольное затворничество в этой глуши, – казалась абсурдной и дикой.

Они вошли в деревню, нищую и убогую, давно оставленную людьми. Темные провалы окон, стены домов местами осыпались, пустыри заросли бурьяном. Вот две заржавевшие бочки, вот сломанная разбитая арба с двумя колесами. Новый пустырь, за ним гряда камней, пустой дом с плоской крышей.

– Ночью я сам видел, как здесь светятся слабые огоньки, – сказал Аносов.

– Наверное, пастухи.

– Пастухи жгут костры, которые издали видно. Это не то... Огоньки, слабые такие.

Они перемещаются с места на место. А потом пропадают. Вы боитесь призраков?

– Я в них не верю, – Джейн на секунду задумалась. – Неужели вы хотите провести здесь остаток жизни? Наблюдать за огоньками в ночи, гулять по дорогам среди брошенных домов...

Вопрос сорвался с губ помимо воли. Она пожалела, что спросила.

– Почему бы и нет? – Аносов пожал плечами. – Одиночество – это не так уж плохо, правда, от него устаешь. Но жить здесь хорошо. Вы еще не увидели и пока не поняли красоты этих мест. Да, здесь засушливое лето. Трава и цветы сгорают под солнцем уже в середине июля. Остаются камни и песок, холмы и равнины, желтые и голые. Грустное зрелище. Солнце, камни... Зато здесь очень красиво сейчас, весной.

Они поднялись на вершину холма, остановились. Горная гряда впереди сделалась ближе. Горы были темно-синими, а небо над ними изумрудным. Ровное поле в низине от

края до края было наполнено цветущими маками. Налетал ветер, цветы качались, казалось, багровое море рябило мелкой волной.

– Господи, какая красота, – выдохнула Джейн.

– Вот видите, – Аносов улыбнулся. – А осень здесь какая... Долгая, теплая. С моря долетает ветер, тогда пахнет солью. И снова земля оживает. Ну, я не могу передать словами очарование этих мест... Зимой другая красота. Суровая, скупая, аскетичная. Горы, покрытые снегом. Пустые белые равнины. Только три цвета: белый, серый и черный.

Джейн чувствовала, как сердце застучало чаще, щеки покраснелись, а голос как-то изменился. Она подумала, что прямо сейчас Аносов шагнет к ней, обнимет за плечи, поцелует в губы. И она не станет, она не сможет противиться. Но Аносов по-прежнему стоял в трех шагах от нее, смотрел куда-то в даль, на красное маковое поле, на горы и молчал.

– Вы отсюда каждый день приносите мне маки? Но ведь это так далеко.

– Прогулки на свежем воздухе полезны пожилым людям. Так утверждают врачи.

– Ну что вы... Вы же сильный и совсем молодой.

Джейн не закончила фразу и замолчала. В эту секунду, она вдруг подумала, что смогла бы влюбиться в этого человека, – и удивилась этой неожиданной, вздорной мысли. Они повернули назад, обменявшись за всю дорогу парой реплик.

* * *

Почти каждый день с редкими перерывами Аносов заходил в ее комнату и тянул с собой на пешие прогулки или кататься на велосипедах. Однажды он пришел раньше обычного, сказал, что хочет показать ей кое-что, но выезжать надо прямо сейчас, если припоздниться, удовольствия не получишь, – погоду обещали жаркую, гулять на солнце – это словно тяжелую работу делать. Они сели в "Лэнд Ровер", проехали миль двадцать на восток.

Дорога, пролегающая по каменистому ущелью, поднялась вверх, и вскоре сузилась так, что ехать дальше стало опасно. Машину оставили на обочине, вытащили из багажника велосипеды и поехали сначала по каменистой дороге, затем по тропе, поднимавшийся в гору. В полдень сделали привал, Аносов расстелил на земле цветастое покрывало, вытащил из рюкзака термос с кофе и бутерброды, завернутые в вощеную бумагу. Они сидели на горном уступе, завтракали и смотрели на величественную панораму.

Горы поднимались к самому небу, между ними маленькие и жалкие, как заблудившиеся овечки, бежали светлые облака. Склоны голые, каменистые, внизу местами попадаются кустики с мелкими листьями и колючими ветками. Но чем выше, тем меньше растительности, – только голые камни, отвесные склоны, небольшие уступы, и снова отвесные скалы, залитые солнечным светом.

– Я когда-то увлекался скалолазанием, – сказал Аносов. – Не хочу хвастаться, но однажды забрался на гору, высотой семь тысяч метров. Сейчас уже не смогу. Сноровка не та, возраст и лишний вес...

– Наверное, это очень страшно – семь тысяч метров. Я никогда не могла понять людей, рискующих жизнью, чтобы доказать что-то самим себе. Или получить порцию адреналина. Зачем человек лезет в гору?

– На самом деле это вопрос, не имеющий ответа. Лезть к гору глупо и опасно – в этом вы правы. Но люди для того и рождены, чтобы совершать глупости и ошибаться. Может быть, именно в этом, в опасности, в риске, в повторении собственных ошибок, – смысл человеческой жизни. Кто знает...

– Что вы испытали, поднявшись на вершину?

– Усталость. Не было катарсиса. Не было счастья. Или чувства, что ты добился желаемого. Карабкался вверх, рисковал не поймешь из-за чего, добрался до вершины. Все мы

очень устали. Сделали несколько фотографий на память. А затем сидели на снегу и думали, что через двадцать часов начнется снежная буря. И до этого времени надо спуститься к верхнему лагерю. Я помню только это чувство – усталость.

В тот день Аносов кое-что рассказал о себе. Обычно он избегал темы отношений с женщинами, но нарушил правило:

– Первый раз я оказался здесь случайно много лет назад. В ту пору у меня была одна подруга, точнее сказать, – возлюбленная по имени Лена. Собственно, я еще тогда задумал, ну, чтобы мы жили здесь вместе с ней. Но я в ту пору занимался серьезным бизнесом. И не готов был все бросить и перебраться сюда. И вот результат моей ошибки: живу здесь один.

– А что стало с вашей возлюбленной?

– Лена ушла от меня, просто убежала. Я долго искал ее, очень долго. Оказалось, она умерла. Попала в тюрьму за убийство человека. Это какая-то темная очень странная история, ее деталей я не знаю. Да, Лена умерла в местах лишения свободы... Да, я об этом узнал совсем недавно. Буквально на днях.

– Мне очень жаль. Скажите, я похожа на вашу Лену?

– Нет, нет. Вы совсем, совсем другая.

Они молчали, и это молчание длилось бесконечно долго.

* * *

Однажды под вечер Аносов явился в ее кабинет и предложил проехаться на машине. Они колесили по пустым дорогам, перевалили ближние холмы, оказались на небольшом плато, остановились и устроили пикник. Аносов достал из багажника полкруга козьего сыра, домашний хлеб и бутылку рового домашнего вина.

– Вы хороший архитектор, – сказал Аносов. – Хочу знать ваше мнение. Моя идея со строительством флигелем вам не очень нравится?

– Идея хорошая. Но я устала жить здесь. Меня тянет назад. Меня ждет дочка.

– Да, да, дочка. Я знаю. И еще у вас есть мужчина. Вы любите его?

– Мне так кажется... Кажется, что люблю. У нас хорошие отношения.

– Значит, не любите, – взгляд Аносова оставался внимательным, кажется он смотрел не в глаза собеседника, заглядывал в душу. – Если присутствует слово "кажется", значит, любви нет. Или вы меня просто обманываете. Нет у вас никакой любви. И мужчины тоже нет. Вы такая же одинокая как и я.

Когда Аносов смеялся, его глаза оставались грустными. Он замолчал на минуту, задумался, а потом сказал:

– Уезжайте и возвращайтесь. Я буду ждать. Кстати, этот флигель... Он ведь для вас. Вы могли вы сами придумать дом, в котором хотите жить. Дом вашей мечты. Зимний сад, картинная галерея, фонтаны, обсерватория, чтобы ночью смотреть на звезды. Они здесь такие крупные и близкие. Не стесняйтесь в расходах. Я сделаю все, что вы только захотите... Ваша дочь получит самых лучших учителей, какие только есть. Когда подрастет, поедет учиться в любую страну. Вас ждет хорошая счастливая жизнь... Поверьте.

– Спасибо, – сказала Джейн, она была так растрогана признанием Аносова, что с трудом подбирала слова. – Не знаю, чем заслужила ваше отношение. Но я... Нет, я не готова к ответу. Вы мне очень нравитесь, вы прекрасный человек. И все же... Я не готова.

Они разговаривали еще какое-то время, Аносов был задумчив, он рассказывал о Москве, о поездках за границу, старался шутить. Потом сказал:

– Вы знаете, у меня тоже есть ребенок. Сын от той женщины, от Лены. Ему семь лет. Я узнал об этом буквально на днях. Он где-то в России. Я стараюсь его найти, но это трудно. Чертовски трудно. Я ведь ни имени, ни фамилии его не знаю. Не знаю, где его искать. Только

знаю, что он есть. Я подумал, ну, если его найду, – а найду его обязательно, – ваша дочь могла бы с ним подружиться. Как вы думаете?

– Да, наверное, – Джейн пожала плечами.

– Как было бы хорошо, поселиться здесь. Жить вместе и радоваться жизни.

Когда солнце зашло за вершину горы, они сели на велосипеды и поехали обратно.

Глава 2

Джейн не раз повторяла себе, что дистанцию с Аносовым надо держать, но день ото дня эта дистанция сокращалась. Джейн отвечала на ухаживания, вечерами они сидели на балконе второго этажа, пили чай, разговаривали или молчали. Смотрели за звезды, на темные силуэты гор. Вот и в тот вечер засиделись до полуночи.

– Надо идти спать, – сказала Джейн.

– Подождите. Такая ночь...

Джейн молчала и думала, что надо положить конец этим странным отношениям, которые заведут ее слишком далеко. Она вдруг подумала, что осталась бы здесь навсегда, если бы дома не ждала дочка. С Кристиной они разговаривала каждый день по спутниковому телефону, девочка говорила, что отмечает на настенном календаре дни, оставшиеся до возвращения мамы.

Джейн снова подумала, как тогда, во время той пешей прогулки к маковому полю, что могла бы полюбить Аносова, может быть – хотя в этом трудно признаться самой себе, – она его уже любит? Наверное, так оно и есть. Просто она не может разобраться в самой себе в этих противоречивых странных чувствах. Этот человек внушает ей доверие, симпатию, уважение... Но разве это любовь? Разве только доверия и симпатии достаточно для любви? Вряд ли.

Одновременно, – это она чувствовала душой, – Аносов был более глубокой и сложной натурой, чем это представлялось после полуторамесячного знакомства. Казалось, была в его душе и другая часть, темная, таинственная, еще недоступная пониманию. Возможно, со временем она откроет в нем другого человека, другие черты характера, которые ей не понравятся, возможно, испугают ее, оттолкнут. Но может быть и по-другому: никакой темной половины не существует, это лишь ее пустые мысли и спрятанные глубоко в подсознании женские страхи, предрассудки? Чтобы это понять, чтобы разгадать натуру Аносова, нужно время. Время... Опять время, которого совсем нет.

Аносов вышел с балкона, но вскоре вернулся. Он придвинул кресло ближе к Джейн и вложил ей в руки продолговатую коробочку.

– Вот, один пустячок на память, – сказал Аносов. – Безделица. Просто захотелось сделать тебе что-то приятное.

Она, снимая разноцветную оберточную бумажку, подумала, что подарок наверняка дорогой. Наверняка он ей понравится, потому что Аносов – человек со вкусом и с деньгами... В коробке оказалось кольцо белого золота из натуральных сапфиров, браслетик и кольцо. Наверняка эти вещицы стоят целое состояние. Джейн глядела на украшения не больше минуты, пальцем к ним не прикоснулась. Захлопнула коробочку и положила на стол.

– Очень тронута, – сказала она. – Но, честное слово, я не принимаю подарков. Даже от близких людей. Мне очень неудобно жить на свете с моими глупыми старомодными правилами... Но я не возьму. Простите. И прошу больше никогда не дарить мне подарков. Ни дешевых, ни тем более дорогих...

– Я от чистого сердца, – Аносов был немного смущен, он ждал другой реакции. – Мне казалось, что сапфир – это ваш камень. Хорошо, забудем об этом пустяке. О ваших строгих правилах я просто не знал. Мне хотелось сделать вам приятное. Я готов был подарить вам свою жизнь, а вы отказываетесь от такой ерунды. Жаль.

– Игорь, отпустите меня, – Джейн наклонилась вперед и заглянула ему в глаза. – Я соскучилась по дочке. А хозяин нашей архитектурной фирмы мистер Карсон всегда готов выполнить любое ваше желание. Он будет держать меня здесь хоть всю оставшуюся жизнь. Лишь бы шли выгодные заказы.

– Я вас не держу. Можете уезжать хоть завтра. Джейн, послушайте. Наверное, для этого разговора нужно найти другое время и место. Более подходящее. Но, с другой стороны, какая разница...

– Не надо, Игорь...

– Нет, я скажу.... Впрочем, вы и так это прекрасно знаете. Я вас люблю и хотел бы связать с вами жизнь. Я полюбил вас с первого взгляда, как только увидел. Когда машина с вами подъехала к дому, я смотрел на вас из окна своей комнаты. Вы меня не видели. И это было словно озарение, словно удар молнии. Черт, я не думал, что способен на такое чувство. Я понимаю, что немолод, что во мне масса разных недостатков.... Но я готов сделать все, чтобы заслужить вашу любовь.

– Игорь, я не готова сейчас говорить об этом. Дайте мне время...

– Как раз об этом я и хотел сказать. Подумайте, могли бы вы соединить свою жизнь с моей. Не торопитесь, разберитесь в себе в своих чувствах. Я закажу билет из Анкары в Нью-Йорк. Летите домой. Подумайте. Даю вам два месяца. Может быть, я объясняюсь слишком грубо, по-деловому. А надо как-то иначе... Я дам вам два месяца, чтобы все взвесить и принять решение. За это время я не буду беспокоить звонками или письмами. Но вы сможете написать или позвонить мне и сказать, что решили. Через два месяца время выйдет. Если вы не скажете "да"... Что ж, тогда я постараюсь забыть вас.

– Давайте не будем возвращаться к этому разговору. Просто дайте мне время.

Темнота сгустилась, сделалась осязаемой. Там были очень темные ночи. А звезды, высыпавшие на небе, крупнее камней из той коробочки с сапфировыми украшениями. Джейн подумала: наверное, наблюдать за звездами через телескоп, – занятие незабываемое.

В тот вечер Джейн не закрыла дверь в свою комнату. Аносов появился далеко за полночь. По подошел к кровати, наклонился и поцеловал ее в губы. Джейн ответила жарким поцелуем, долгим и страстным. Она целовала его, пока не перехватило дыхание.

* * *

До отъезда Джейн в Америку оставалось чуть более суток. Вещи были собраны, чтобы не тяготиться ожиданием, скоротать последние часы и заняться чем-то полезным, Джейн стояла у чертежной доски, переделывая один из вариантов фасада особняка. Под вечер в ее рабочую комнату ворвался Аносов. Распахнув дверь, подошел к ней, обнял и поцеловал в губы. От него пахло водкой, в руке початая бутылка, но пьяным он не был.

Аносов сел на подоконник и сказал:

– Чем ты занимаешься? Ах, эти чертежи... Брось. Ерунда все это.

– Я хотела поправить тот вариант, который тебе понравился...

– Ну, вот и произошло то, о чем я долго мечтал... Мой сын нашелся. Я узнал подробности час назад. Эта история весьма драматическая, но лучше это, чем полная неопределенность. Мальчика зовут Коля, фамилия Степанов, как у его матери. Он родился в колонии, где моя девушка отбывала наказание за убийство. Других подробностей не знаю. Коле сейчас семь лет он живет в приюте для сирот. Это километров двести от Москвы. Я уже рассказывал, что любил Лену. Она пропала, я искал ее очень долго. Но мне в голову не приходило, что надо искать ее в тюрьме... Вот так. Сначала я нашел ее. Теперь точно знаю, где мой сын.

Кажется, в эту секунду Аносов готов был заплакать. Он глотнул водки из горлышка. Поставил бутылку на подоконник и прикурил сигарету.

– Коля сменил несколько детских домов. Теперь можно начать процедуру его официального усыновления. То есть мне придется доказать, что отец именно я. А уже потом все бюрократические формальности. Они отнимут много времени, но другого пути нет. Такие дела...

– Все будет хорошо, вот увидишь, – Джейн подошла, села рядом и обняла Аносова за плечи. – Я уверена, что у этой истории будет хороший конец.

* * *

На следующий день она уехала. Вернувшись в Нью-Йорк, много думала об Аносове и его предложении. Но так и не решилась его принять. Спустя месяц после возвращения она позвонила Аносову, сказала, что не сможет связать с ним жизнь. И дело даже не в ней, а в ребенке. Кристине нужно жить рядом со своими сверстниками, учиться... Аносов выслушал ее сбивчивый взволнованный монолог, ответил, что все понимает. И вынужден признать, что Джейн права: Кристине лучше будет в Нью-Йорке, чем в турецком захолустье. Он сухо попрощался и положил трубку.

На следующий день Джейн подумала, что поговорила с Аносовым слишком резко, перезвонила ему, но он не взял трубку. Она отправила ему письмо, вскоре еще одно, но через полтора месяца оба конверта вернулись. На штемпеле было написано: "В связи с невозможностью найти адресата". Джейн решила, что Аносов оставил свой турецкий дом, уехал куда-то еще дальше, на край земли, на какие-нибудь экзотические острова.

Когда эмоции немного улеглись, Джейн подумала, что приняла правильное решение. Наверное, она не любила этого человека. Уважала его, была им увлечена, как девочки увлекаются взрослыми мужчинами, но любовь... Нет, это была не любовь. И все-таки забыть Аносова она не могла. Ночами она просыпалась с мыслью, что все сделала не так, неправильно. Она хотела соединиться с Аносовым, но не решилась сделать шаг навстречу ему. Она любила, но испугалась своей любви, испугалась будущего, перемен и отступила в спокойное благополучие своей сегодняшней жизни.

Глава 3

Когда раздался телефонный звонок, менеджер по продажам промышленных холодильников Стив Бейкер возился с бумагами и ждал окончания рабочего дня. Сегодня пятница, значит, соберется компания старых знакомых, они до ночи будут резаться в покер. Перед тем, как снять трубку, Стив посмотрел на часы: еще полтора часа в пыльной конторе, – и все. Он быстро заскочит домой, переоденется и купит пива. Интуиция подсказывала, что сегодня фортуна не отвернется, и он станет богаче. Впрочем, интуиция в последнее время частенько подводила.

Человек говорил с заметным иностранным акцентом, но правильно, без ошибок. Мужчина представился: Игорь Куприн, бизнесмен из России, и сослался на одного общего знакомого, от которого получил этот телефон. Русский сказал, что есть разговор, но не по части промышленных холодильников, поэтому приходить в контору он не хочет. Хорошо бы встретиться в одном французском ресторане, что в центре города, прямо сегодня, после работы, говорят, – там прекрасная кухня. Стив знал этот ресторан, славившийся не только кухней, но и высокими ценами. Что ж, значит, разговор, действительно, серьезный.

– Я здесь в качестве туриста, – сказал Куприн. – Осматриваю ваш прекрасный город. Но не только его... Много поездил. Любовался американскими памятниками и всяким таким.

Русский сказал, что отпуск подходит к концу, скоро улетать обратно. Поэтому нельзя терять времени, он хочет сделать одно деловое предложение, весьма и весьма интересное. Стив был заинтригован, но виду не подал, сказав, что после работы занят, как всегда, спешит домой к жене, но готов сделать исключение.

В пять вечера он вошел в ресторанный зал, его провели к дальнему столику. Навстречу поднялся человек лет тридцати с небольшим, спортивного сложения с приятными чертами лица, брюнет с яркими васильковыми глазами. Он был одет в дорогой летний костюм и светлую сорочку, на запястье золотые часы. Минут десять они словно старые знакомые поболтали о поездке Куприна по Америке и тех красотах, что довелось посмотреть русскому туристу.

Из этого сбивчивого противоречивого рассказа Стив сделал вывод, что нигде кроме Нью-Йорка Куприн не был, а по эту сторону океана оказался не из праздного любопытства, а по делу, точнее, – именно ради этой встречи. Затем разговор перешел на Москву, Куприн сказал, что возвращаться не хочется, за последние годы Москва превратилась в огромный перенаселенный город, где жить очень неудобно. В те времена, точнее восемь лет назад, когда Стив находился в Москве в командировке, город выглядел несравненно лучше, не было этого дикого азиатского скопления людей.

Стив заерзал на стуле: незнакомец хорошо осведомлен о его делах. Знает, что восемь лет назад он работал в Москве. Правда, никакого секрета в этом нет. В ту пору Стив был простым наладчиком промышленных холодильников, а не засекреченным ученым, разрабатывающим новые виды ядерных вооружений.

Закончив лирическое вступление, Куприн перешел к делу.

– Вы можете оказать мне одну услугу, совсем несложную, за которую я хорошо заплачу, – сказал Куприн. – Ну, скажем, начать можно с этой суммы...

Он вынул салфетку, нарисовал несколько цифр и протянул салфетку Стиву. Тот молниеносно произвел в уме некоторые вычисления, решив, что денег хватит, чтобы погасить долги, которые он наделал в прошлом и позапрошлым году в Лас-Вегасе. Чтобы как-то решить вопрос, он занял у друзей еще немного денег и по совету знакомого брокера купил ценные бумаги. Те бумаги должны были вырасти в цене всего за пару месяцев, но вместо этого упали до мусорного уровня.

Надо было все рассказать Лайзе с самого начала, у нее есть некая сумма, отложенная на черный день, жена могла бы выручить его еще тогда. Но теперь денег жены уже не хватит. И вообще о его долгах Лайза ничего не должна знать, так лучше. Да, ему приходится крутиться, откладывать каждый цент и надеяться на крупный карточный выигрыш. В картах как назло не везет, но ситуация всегда может перемениться.

– Надеюсь, за эти деньги от меня не потребуют продать черту души? – Стив порвал салфетку и выжил из себя кислую улыбку. – Или раскрыть государственную тайну?

– Государственные тайны меня не интересуют, а вы их не знаете. Я изложу коротко суть дела, если вы не согласитесь, то завтра же курьер доставит всю сумму двадцатидолларовыми купюрами. А потом... Если все пройдет удачно – а так оно и будет, вы получите значительно больше. Вам не нужно больше заниматься промышленными холодильниками. Скоро вы купите дом где-нибудь в теплых краях. Растянитесь в шезлонге на пляже, наблюдая за океаном и красивыми девочками. Вам, нравится такая картина?

– Не очень. Я не люблю жару и пляжный отдых. Но к делу. Что я должен...

– Услуга очень простая. В Чикаго живет довольно молодая одинокая женщина некая Джейн, архитектор. Однажды она побывала в России. Там с ней случилась неприятная история. Поэтому еще раз приезжать в Москву она не хочет. А мне и моим компаньонам надо, чтобы эта особа вернулась. Ну, хотя бы на некоторое время. Вы можете в этом помочь. Для того, чтобы убедить эту Джейн вернуться в Москву, нужна небольшая инсценировка, любительский спектакль. Для начала вам предстоит короткая поездка в Россию, разумеется, за мой счет. Лучшие гостиницы, дорожные расходы и прочее. Затем вы встретитесь с Джейн. Два-три коротких разговора с ней. Еще одна короткая поездка в Москву. Вот и вся работа. Ничего противозаконного. Никакого насилия, угроз, шантажа... Вы можете отказаться в любую минуту, когда захотите. Отказаться и не возвращать аванс.

– Как я понимаю, с этой Джейн в Москве случится...

– Ничего плохого. Я занимаюсь честным бизнесом. Судите сами: если бы эту женщину хотели убить или покалечить, – в этом месте Куприн рассмеялся, будто сказал нечто смешное, – это можно легко устроить в Чикаго. Темная улица, пара грабителей... Таких случаев сотни. Но у нас другие цели, гуманные. В дальнейшем я подробно объясню, что делать и говорить, как себя вести. Вы скоро убедитесь, что это простое дело, нетрудное.

– Ну, хорошо... Тогда почему бы вам не обратиться к другому человеку? Зачем вам нужен именно я? Откуда вы вообще узнали о моем существовании?

– Отличный вопрос. На миллион долларов. Мне нужен мужчина ваших лет, женатый, желательно без детей. Сообразительный, коммуникабельный, внушающий доверие. Средний человек с хорошей репутацией. Желательно знание русского языка. Поэтому вы подходите. Но есть еще одна причина, ее вы узнаете немного позже. Разумеется, мой выбор неслучаен. Я навел о вас справки. Уверен, у вас все получится. Или вы испытываете чувство неуверенности?

* * *

Куприн вопросительно посмотрел на собеседника.

Надо что-то отвечать. Стив вспомнил пыльный офис, выходивший окнами на скоростное шоссе, вспомнил тупую морду начальника, у которого легче вырвать сердце, чем прибавку к зарплате, вспомнил карточные долги, кредит за дом, который в лучшем случае будет погашен только через двенадцать лет. И представил цифру, нарисованную на салфетке. Эти деньги можно получить уже завтра, наличными. И решить все проблемы с долгами и не только... Этот русский парень – подозрительный, но щедрый. Может быть, он просто псих?

В конце концов, если что, будет возможность отступить. Куприн сам сказал, что аванс можно не возвращать. В крайнем случае, Стив обратится в полицию, мол, его помимо воли втянули в сомнительную аферу и так далее. Риска никакого. А за пару поездок в Москву и разговор с какой-то Джейн ему обещают целое состояние. Может быть, на этот раз посчастливится вытянуть длинную соломинку? Ведь у каждой собаки бывает счастливый день.

Если бы Стив не был прирожденным игроком, причем игроком невезучим, он отказался бы сразу, попрощался и ушел. Но он и сейчас оставался самим собой. Чтобы произвести впечатление вдумчивого обстоятельного человека, он выкурил сигарету, выпил бокал вина и только тогда кивнул собеседнику, мол, продолжайте.

– Ваша жена, знаю, бездетна. И давно мечтает усыновить ребенка, можно даже цветного. Но у вас энтузиазма не так много, как у Лайзы. Я бы хотел, чтобы вы осторожно поговорили с супругой. Прямо сегодня. Высказали идею: а что если усыновить ребенка в России? Вы хотели бы вырастить наследника... Ну, сами придумайте что-то правдоподобное. Мне кажется, Лайза от вашей идеи придет в восторг.

– Ее обязательно втягивать в эту историю?

– Почему бы и нет? В путешествиях по незнакомой таинственной стране она весело и с комфортом проведет время. Имя ребенка, все его данные вы скоро узнаете. Впрочем, зачем создавать секреты на пустом месте. Мальчика зовут Колей. Шустрый такой, симпатичный. Не беспокойтесь, усыновлять его необязательно. Мальчик нужен для дела.

На следующий день во время ленча появился курьер с объемистым пакетом. Стив расписался, заперся в туалете, вскрыл упаковку и попытался пересчитать деньги. Но подержанные двадчатки выскальзывали из рук, пальцы плохо слушались, и света было мало. Купюры посыпались с колен на кафельный пол. Стив снова засунул их в пакет.

Сказав секретарю босса, что ему надо отъехать по делам буквально на час, он поспешил к стоянке. Остановился возле первого попавшегося мотеля, снял комнату и долго сидел на кровати, считая и пересчитывая деньги. Чет побери, а этот русский не обманул. Стив перевел дух, вытер потное лицо салфеткой и подумал, что у него появился реальный шанс начать новую жизнь, счастливую и беззаботную.

Глава 4

Начальник колонии строгого режима подполковник Яков Горобец снял трубку телефона внутренней связи и приказал доставить в подвальный следственный кабинет заключенного Игоря Сотникова. Дождаясь, когда выполнят приказ, он поднялся из-за стола и встал у окна.

– Мы спешим.

Это подал голос прибывший из Москвы полковник ФСБ. Николай Лихно, и постучал ногтем по стеклу наручных часов. Внешность полковника непримечательная. Высокий сухопарый человек с вытянутым лицом, заметной сединой и высокими лобными залысинами. В серых глазах застыла грусть.

– Поторопить нельзя? А то смеркается уже.

– Никак нет, – ответил Горобец. – Послали нарочного. Минут через двадцать Сотников будет здесь, но не раньше. Его отряд в дальнем конце зоны. Почти через всю территорию надо бегом бежать.

Лихно вытащил новую сигарету. Другой товарищ из Москвы капитан ФСБ Игорь Куприн поднес начальнику огоньку и сказал бодрым голосом:

– Ничего, обратно быстро доедим. Ночью дорога свободна.

Куприн полез в портфель, вытащил дорожный атлас и от нечего делать долго водил пальцем по бумаге. Что-то вычисляя, он беззвучно шевелил губами. Этот малый был полной противоположностью своего начальника. Крепко сбитый, с широкими плечами и фигурой спортсмена, на вид лет тридцать с небольшим. Приятное лицо, ровные зубы, яркие васильковые глаза.

На памяти Горобца офицеры контрразведки появлялись в колонии только дважды. Один раз, когда сюда по ошибке прислали с этапом настоящего предателя родины, осужденного за шпионаж в пользу одной из западных стран. Вскоре того шпиона забрали и увезли неизвестно куда. И вот сегодня второй случай. Природное любопытство терзало душу Горобца, на языке вертелись разные вопросы. Но спрашивать московских офицеров, на кой черт им понадобился Сотников, кличка Сотник, неэтично. Тем более начальник колонии уже читал документы, согласно которым Сотников нужен в Москве для проверки и закрепления на месте обстоятельств убийства некой гражданки Шмаковой. Как явствует из бумаг, уборщицы из закусочной «Вечерние огни», бездетной вдовы, пятидесяти восьми лет от роду.

Кого подозревают в убийстве? И каковы его мотивы? Неприязненные отношения, ревность... Об этом в документах ни слова. Главное, какое отношение к этому происшествию имеет заключенный номер четыреста семь? О том что именно Сотник, крутой парень, по слухам заваливший четырех известных московских гангстеров, имевший связи в высоких кругах преступного мира, грохнул какую-то жалкую уборщицу из закусочной... Нет, об этом и речи быть не могло. Вот если бы он в припадке ревности задушил королеву красоты, с которой делил постель. Ну, в такое еще можно поверить. Пусть с трудом, но можно.

И, тем не менее, в документах упоминалась лишь Шмакова. Бумаги были заверены в областной прокуратуре и Главном управлении федеральной службы исполнения наказаний, ГУФСИН. Согласно распоряжению заместителя начальника ГУФСИН, Сотников поступает в полное распоряжение контрразведчиков. Сотрудники ФСБ за него отвечают и вернут заключенного в колонию по окончании следственных действий. Все вроде понятно. И все же... какое отношение гражданка Шмакова имеет к государственной безопасности страны? Эта уборщица, она что, шпионка? Или любовница шпиона? А Сотников ее...

– Это Шмакова, она кто? – сорвалось с губ помимо воли. – Не родственница Сотнику будет?

– Позвольте оставить вопрос без ответа, – мрачно покачал головой Лихно. – Все материалы по этому делу засекречены.

– Понимаю, понимаю, – вздохнул Горобец.

Он снова отвернулся к окну. Перед зданием административного корпуса – плац, похожий на футбольное поле. Здесь проходит утренняя и вечерняя переключка заключенных. Горобец поправил сам себя: пожалуй, плац, побольше футбольного поля. Зона здесь немаленькая, на четыре с половиной тысячи заключенных. Зековскую братию, одетую в черные бушлаты и фуфайки, дважды в день, и в холод и в жару, строят на плацу для переключки, – места едва хватает. Если смотреть из окна на лагерный забор, на вышки с охранниками и пулеметами, массу людей, освещенную прожекторами, на душе без всякой причины становится тревожно и мутно.

– Как у него по линии поведения? – спросил Лихно. – Замечания есть?

– Он злостный нарушитель режима, – ответил Горобец. – Человек, который не встал и не встанет на путь исправления. На работы не выходит. За что не раз сидел в карцере и штрафном изоляторе. Числятся на нем и другие подвиги.

Горобец подумал, что не стоит рассказывать московским гостям о том, что неделю назад Сотник ударил контролера табуретом. Это мелочи. И о том, что арматурным прутлом сломал товарищу по отряду обе руки, – тоже не надо. Чего доброго подумают, что начальство плохо ведет воспитательную работу среди зеков.

– Здесь, в колонии, за ним ничего серьезного не числится, – подвел итог Горобец. – По неофициальной информации он убийца, хотя осужден не по мокрой статье. А у нас убийцы никогда не были в авторитете. Среди воровского контингента он вроде белой вороны. Сам Сотник в душе презирает блатных, их обычаев и традиций не принимает. Потому что сам не из воров. За глаза называет их синяками и алкашами. Он даже по фене не ботает.

Он замолчал и подумал, что в столовой заканчивается ужин. Сегодня дают щи из сушеной крапивы и перловки, второе блюдо – мятая картошка или макароны с просроченным сроком годности. Еще Горобец подумал, как это часто с ним бывало в минуты меланхолии, что офицеры ФСБ и убийца Сотников скоро укатят в Москву. Промчатся через весь город по ночным проспектам к известному комплексу зданий на Лубянской площади, а он останется здесь. Станет глядеть на все тот же плац, зеков, марширующих по грязи, гнилые бараки. И еще трубу котельной, пускающую в небо зловонный дым. От тоски хоть на стенку лезь, даже водка не помогает.

Зазвонил телефон внутренней связи. Горобец схватил трубку:

– Можно спускаться, – выпалил он. – Сотников доставлен.

* * *

Когда лязгнул засов, дверь следственного кабинета открылась, на пороге возник высокий мужчина лет сорока, одетый в черные штаны и такую же черную робу, на груди которой пришит белый прямоугольник с номером. На коленях черных штанов тот же номер четвереста семь, вытравленный известью. Заключенный сорвал с головы шапку с козырьком, вытянулся в струнку, замер. Уставившись в дальний угол кабинета, гаркнул:

– Заключенный Сотников, номер четвереста семь, девятый отряд, осужден по статьям...

– Отставить, – махнул рукой Лихно. – Присаживайся, Николай. Мы с тобой тески.

Лихно занял место за письменным столом, привинченным к полу. Раскрыл пачку сигарет и закурил. Капитан устроился возле стены на стуле. Над дверью горела лампа, забранная в решетку, этот свет отражался в васильковых глазах Куприна.

– Я вас представлял немного другим, – сказал капитан. – Ну, поплотнее. Вы не больны?

– Здоров. Но на здешних харчах веса не нагуляешь, гражданин начальник, – ответил Сотников.

– Да, да... Понимаю.

Сотников елозил на табурете, удивляясь, с чего бы это незнакомец так вежлив и любезен, и на кой черт нужны эти реверансы. Они не в институте изящных манер. Они в следственном кабинете, где многое напоминает о вчерашнем допросе, точнее истязаниях, одного бедолаги. Вся вина которого в том, что он не успел снять шапку при приближении контролера, как того требуют правила внутреннего распорядка. Пол в темном углу в пятнах запекшийся крови, и бурые подтеки на стенах еще не смыли.

Лихно показал пальцем на пачку дорогих сигарет:

– Кури.

Пристрастившийся в тюрьме к табаку, Сотников вытащил сигарету, опасаясь какого-то подвоха. Вот сейчас старший встанет и съездит кулаком по морде. Или тот, что помоложе, зайдет сзади, накинёт на шею обрывок бельевой веревки. Сведет концы. И с такой силой рванет на себя, что Сотников не усидит на месте. Плюнув кровью, полетит на бетонный пол...

– Спасибо за угощение, гражданин начальник, – Сотников держался наготове. Ему не впервой терпеть побои, карцер. Он взял сигарету, тут щелкнула зажигалка, – это Куприн дал огоньку.

– Как тут в колонии, не обижают? – спросил капитан. – Письма от сестры не задерживают?

– Не жалуюсь. Работает почта.

Сотников с тоской смотрел на оконце под потолком. И думал, что разговаривает не с ментами, это стало ясно с первого же слова, с первого взгляда. У Сотника хороший вкус, он за версту видит дорогие фирменные шмотки, чует запах французского одеколona. Он прожил жизнь в столице, рядом с людьми, у которых денег больше, чем грязи под ногами. Сотников бывал в Европе. И кое-что на своем веку успел посмотреть.

Впрочем, одеколонный запах и прочая ерунда к делу отношения не имеет. Сотник определял цену человека по двум критериям. Сразу смотрел, какие часы на руке, и какие туфли на ногах. Менты в глаза не видели настоящих швейцарских часов. И не могли себе позволить пары шикарных итальянских ботинок. Да и костюмы этих парней – не на барахолке куплены. Судя по виду, эти ребята из ФСБ.

* * *

Полковник Лихно, словно угадав мысли Сотника, представился по имени и отчеству. И добавил, что служит он в контрразведке в звании полковника. Лишнего времени на разговоры сейчас нет. Поэтому беседа, а это именно беседа, а не допрос с протоколом, будет проходить быстро, в телеграфном стиле. Он перелистал дело Сотникова, лежавшее на столе, и сказал:

– Ты служил в десанте. После демобилизации вернулся домой, устроился в частное охранное агентство. Проработал там около двух лет. Однажды во время ужина в ресторане не повздорил с товарищем по работе. После этой ссоры твой напарник месяц отдыхал в больнице. Из сыщиков тебя турнули, спасибо под суд не отдали. Ты устроился могильщиком на кладбище. Познакомился с парнями из атлетического клуба «Феникс». Собственно, с этого знакомства начинается твоя криминальная карьера. Давно это было...

– Давно, – кивнул Сонник. – Иногда кажется, что и не со мной.

Он подумал, что фээсбэшник шпарит без бумажки, на память помнит биографию. Лихно продолжал бесцветным тихим голосом. Он сказал, что почти всю свою сознательную

жизнь Николай прожил за бандитским авторитетом по имени Леонид Батыров, он же Батыр. В молодые годы Батыр был обычным бандитом, который утюжил торговцев, обкладывал данью магазины и рестораны. Он должен был погибнуть в бандитских разборках, как большинство крутых парней того времени. Но остался жив. Мало того, он бросил мелочовку и взялся за доходный бизнес. Точнее, занялся силовым захватом предприятий или торговых фирм, приносящих хороший доход. Хозяева этих лавочек умирали насильственной смертью, а Батыр богател.

– Понравилась ему, например, посредническая компания по торговле нефтепродуктами «Оникс-плюс». Вскоре генерального директора, некоего Корзина выбросили из окна собственного кабинета. С семнадцатого этажа. А? Каково ему? Наверное, высоко падать?

– Кто высоко забирается, тому и падать больно, – усмехнулся Сотник.

– Заместителя Корзина изрешетили из автомата. После чего председатель правления компании уступил бизнес Батырову по смехотворно низкой цене. Или вот история. Батыров положил взгляд на страховую компанию «Лидер» Это семейный бизнес, акции не торговались на бирже. Договориться по-хорошему не удалось. Короче, что случилось с этой семьей, и какой смертью умер владелец банка, его жена и взрослый сын, ты знаешь лучше моего.

Все силовые акции по устранению конкурентов проходили под руководством и при участии Сотникова, которой стал правой рукой Батырова. Хозяин тяготел к банковскому делу. Со временем он превратился из бандита в уважаемого бизнесмена, отстирал кровавые деньги, накупил недвижимости в России и за границей. Но, если возникали проблемы, по-прежнему решал их старыми недипломатическими методами. Городских, муниципальных чиновников или ментов Батыр покупал пачками и коробками. Как овощи на оптовом рынке. Поэтому все сходило с рук.

За хозяином и у Сотника жизнь текла, как ручеек по гладким камушкам. Уголовные дела против него в общей сложности были пять раз, но ни одно из них не дошло до суда. Стараниями адвокатов все были развалены на стадии следствия. Неизвестно куда исчезали потерпевшие. Свидетели теряли память. Доказательная база превращалась в пыль. Наконец стараниями следственного комитета Внутренних дел, Сотника все же определили на зону. Удалось доказать всего один эпизод его криминальной биографии. Судьи переквалифицировали статью: вместо заказного убийства Николай получил срок за нанесение телесных повреждений, повлекших смерть потерпевшего. Шесть лет, из которых три уже позади.

– Хозяин помнил о тебе, – бесцветным голосом продолжал Лихно. – В тюрьме не было проблем с деньгами. Насколько я знаю, уже здесь, на зоне, в бараке личных свиданий тебе устраивали встречи с проститутками из Москвы. Но пару дней назад лафа кончилась. Вот полюбуйся.

Лихно положил на стол большой плотный конверт. И пока Сотник разглядывал фотографии, продолжал:

– Бронированный «Мерседес» твоего хозяина и сопровождавший его «Шеви Сабурбан», набитый охранниками, были расстреляны в сорока километрах от Москвы. В тот момент, когда машины съехали с Минского шоссе, дорогу перегородила груженная кирпичом фура. В автомобиле Батыра выпустили заряды противотанковых гранатометов. Тех, кто остался в живых после взрывов, расстреляли. Убийц, разумеется, задержать не удалось. И свидетелей, само собой, нет. В то же самое время в Москве, в разных местах города, погибли двое ближайших друзей и помощников Батырова.

Сотник смотрел на фото, разглядывая лицо Батырова, залитое кровью. Хозяин в бежевой шерстяной куртке лежал на асфальте, широко расставив ноги. Ботинок слетел с левой ноги. Чуть поодаль в луже крови плавал человек с оторванной ногой, на заднем плане сгоревшая машина охраны. Сработано профессионально, Батыру и его людям не дали ни единого шанса.

– У Батыра было много врагов, – сказал Лихно. – На зоне ты без его поддержки, без его денег, долго не проживешь. Новым этапом сюда переводят некоего Могилевского по кличке Могила. И пяток людей из его бригады. Помнишь этого парня? У вас давние счеты. Как-нибудь поутру ты проснешься под шконкой со сломанной шеей. Или с отрезанной головой. Которую найдешь в тумбочке.

– Посмотрим еще, кто из нас проснется без головы, – Сотник выплюнул окурок и растоптал его башмаком. – Я или он.

– Сейчас оформят документы, – сказал долго хранивший молчание Куприн. – И мы заберем тебя с собой. Тюремная эпопея кончилась. Если будешь умным мальчиком, обратно уже не вернешься. Начнется человеческая жизнь, а не животное существование заключенного. Что ты думаешь по этому поводу? Ну, соскучился по свободе?

Фотографии выскользнули из рук Сотника и посыпались на бетонный пол.

Глава 5

Перекусив на кухне бутербродами, Сотник вернулся в комнату, сел в кресло напротив телевизора. Капитан Куприн тоже сидел в кресле, читал газету, напевая под нос мелодию известной песенки. Наконец он закончил музыкальные упражнения, кому-то позвонил по телефону, сказал «да», «нет» и дал отбой. Положил газету на журнальный столик.

– Почитай, интересно, – сказал капитан.

Сотник ответил, что газет даже в колонии не читал.

Вот уже третье утро Сотник просыпался на диване в чужой квартире, пропахшей свежей краской, обойным клеем и какой-то химией. Он разглядывал потолок и рисунок обоев и не мог поверить своему счастью. Он выходил на балкон, с высоты девятого этажа открывался чудный вид на дальнее поле и лес, еще утопающие в снегу. Было холодно, северный ветер бросал в лицо мокрые снежинки. Но Николай не уходил в комнату, стоял и смотрел на этот лес, на дорогу, которая ведет к Москве.

По пути из колонии, они не доехали до столицы всего три десятка километров. Остановились возле незнакомого дома, поднялись на девятый этаж. Полковник Лихно открыл дверь своим ключом, пустил Сотника в просторную прихожую. Ясно, что квартира служебная, никто тут не живет, а контрразведчики используют хату по своему усмотрению. Так началась вольная жизнь бывшего заключенного, жизнь, к которой, как оказалось, за день не привыкнешь. Тут нужно хоть какое-то время, неделя, а то и месяц.

Сотник смотрел на экран телевизора и думал, что сейчас он запросто может уйти из квартиры, якобы за сигаретами. Можно поймать такси и добраться до Москвы. К вечеру его карманы будут набиты наличностью. Он погуляет на всю катушку, а потом надолго заляжет на дно. И всплывет, когда о его существовании забудут контрразведчики и менты. Вынырнет где-нибудь на Кипре, поменяет документы и снова исчезнет. На свободе у него еще остались добрые знакомые, значит... Ничего это не значит, – поправил себя Сотник. О его существовании никто и никогда не забудет. Ну, до тех пор, пока он еще дышит. И до Кипра он живым не доберется.

Еще в следственном кабинете на зоне чекисты показали фотографии единственного близкого родственника, самого дорогого человека на свете: младшей сестры Марии, которая живет неподалеку от Москвы. Работает в строительном тресте экономистом, не отказывается ни от какой подработки, потому что с деньгами всегда туго. Одна воспитывает пятилетнего сына. Отец мальчишки, бывало, крепко выпивал. И откинул копыта, когда позапрошлой зимой в тридцатиградусный мороз уснул под забором своей любовницы, известной на весь горд шлюхи. Полковник сказал, что Марии сейчас нелегко живется. Но о ней и ребенке позаботятся, за ними присмотрят. Сестре на первое время деньжат подкинут, помогут найти другую работу, где зарплата выше и перспектив больше.

Полковник сразу сделал важную оговорку. Конечно, все эти благотворные перемены произойдут, если Сотник будет правильно себя вести. Лихно не расшифровал, что значит «правильно себя вести», решив, что это без слов понятно. Если же Николай станет вести себя «неправильно», то его во всех отношениях положительная работающая сестра может без вины пострадать. Вот, говорят, недавно в одном провинциально городке трамвай зарезал женщину. Тоже положительную и работающую, между прочим, мать троих детей. Прискорбный случай. Хулиганы вытолкнули ее на рельсы, прямо перед вагоном.

Полковник закончил образный монолог и уставился на собеседника, будто ждал какого-то ответа или обещания хорошо себя вести. Сотник сопел в две дырочки и сжимал кулаки. В другое время он бы за эти слова вытряхнул из Лихно его поганую грязную душу. А

заодно перегрыз горло капитану, чистенькому мальчику, с прекрасными васильковыми глазами. Но сейчас другой расклад, не Сотник банкует.

* * *

Около полудня входная дверь распахнулась, появился полковник Лихно, на воротнике пальто еще не растаяли снежинки. Он коротко поздоровался и отправился на кухню. Стало слышно, как на плите тонко посвистывает чайник. Капитан Куприн разгадывал кроссворд, изредка поглядывал на Сотника своими васильковыми глазами и чему-то печально улыбался.

Напившись чаю, Лихно вошел в комнату, сделал протестующий жест, когда Сотник попытался встать. Николай Макарович включил верхний свет, скинул пиджак, но не повесил его на стул. А положил рядом с собой на диван, по правую руку. Под тканью шелковой подкладки угадываются очертания пистолетной рукоятки. Интересно, сколько секунд требуется полковнику, чтобы вытащить ствол и выстрелить в человека с близкого расстояния? Две-три секунды? Или больше? Размышляя над этим пустым вопросом, Сотник поскреб затылок ногтями. Ответ не имеет значения. И пистолет не потребуется, и кровью полковник не испачкается. Он держит ствол под рукой по старой привычке, выработанной годами. Он знает, что Сотник согласен на любую работу, которую ему предложат. Самую грязную, самую опасную работу.

Как правило, Лихно начинал разговор издалека, медленно приближался к сути дела, словно круги нарезал. Но тут изменил привычке.

– Вы, Николай, пару раз спрашивали: что нам нужно, – он глянул на Сотника из-под насупленных бровей и отвел взгляд. – Настало время объясниться. Сначала короткое отступление. Люди из нашей организации стараются не засвечиваться попусту. Конспирация – не пустое слово. Поэтому разного рода операции, ответственные, но не требующие специальной подготовки или какого-то особого оборудования, мы иногда поручаем сторонним лицам. В данном случае нам нужен человек с криминальным опытом и определенными навыками. Как вы догадываетесь: у нас большой выбор кандидатов. Но мы решили, что для этого дела вы подходите лучше других.

Лихно кивнул капитану и тот выложил на журнальный столик несколько фотографий миловидной женщины с каштановыми волосами до плеч, красивым прямым носом и голубыми глазами. Сотник присвистнул: симпатичная. Лихно сказал, что имя дамочки Джейн Майси, гражданка США, в настоящее время находится в Москве в командировке. Она сотрудница одной из американских архитектурных компаний, носитель ценной информации. Женщина знает много чего такого, что хотели бы знать чекисты.

Задача Сотника организовать ее похищение. Чуть позже он перевезет даму в надежное место, неподалеку от Москвы. Там она под присмотром Сотника проведет несколько дней. За это время улягутся страсти, полиция получит передышку и поймет, что задержать преступников по горячим следам не удалось. Значит, надо ждать вестей от похитителей. По ментовским убеждениям, людей, а иностранцев в первую очередь, похищают, чтобы тянуть деньги с их родственников. Ну, пусть так и думают. Тем временем Сотник переправит прекрасную даму в Турцию. Маршрут следования, документы, оружие... Все эти вопросы продуманы и решены.

– Что вы сделаете с женщиной? Ну, когда она расскажет вам все, что знает?

– Не задавай лишних вопросов, – Лихно усмехнулся. – Это пахнет идиотизмом.

– И все-таки?

– Ну, если ты настаиваешь... Она проснется, скажем, где-нибудь в Дамаске или в Стамбуле. А лучше в Москве. На лавочке в метро. Откроет глаза и не сможет вспомнить ничего из того, что произошло с ней за последний месяц. Как отрезало. Ни одного события, ни одного

имени. Ничего. Только темный пустой колодец забытья. Ей сделают укол, после которого наступает амнезия. Человек не помнит, что происходило с ним в течении последнего месяца. Вскоре она вернется к нормальной жизни, уедет в свою Америку.

Сотник кивнул головой. Он решил, что полковник умеет врать просто и убедительно. Но ведь этому он учился всю жизнь. И практика наверняка богатая.

Лихно помолчал минуту и сказал, что одному Сотнику будет трудно проверить все дело, поэтому в помощь он может взять двух парней. Лихно кивнул капитану, тот выложил на стол фотографии мужчин.

– Вот несколько человек, которых мы держим на примете, – Лихно покашлял в кулак. – Можно сказать, кадровый резерв. Люди с опытом. Вот этот тип, например, восемнадцать раз похищал детей богатых бизнесменов. И всегда получал выкуп. Очень фартовый. Его продали сообщники. Но взять его ментам не удалось. Ушел, как вода сквозь пальцы. Сейчас после двух пластических операций он словно заново родился. И готов взяться за дело. Рекомендую.

Сотник молча кивнул.

– И вот еще, взгляните. Весьма достойный кандидат. Отличный водитель, владеет всеми видами оружия, – Лихно показал пальцем на фотографию мужчины с круглым лицом и тонкими усиками. – Последний раз осужден за похищение жены и ребенка богатого иностранца. На суде ему хотели пришить еще двойное убийство, совершенное с особой жестокостью. Но доказательства у следствия были неубедительными. В результате всего четыре года колонии. Освобожден досрочно. Сейчас бедняга сидит на мели. Будет рад нашему предложению. Или вот еще...

– Не надо, – Сотник взял кусок бумаги, написал на нем пару строк. – Вот люди, с которыми я буду работать. С одним парнем Сергеем Клячкиным, вором, по кличке Сапог, случайно познакомился на восточном базаре, в Бухаре. Второй Кургузов Павел Павлович, для своих просто Палыч. Он сидел со мной на одной зоне. Вышел на волю год назад. Найти этих людей их для вас труда не составит. Они не от кого не прячутся.

– Но мои люди – профессионалы...

– Квалификация тут не имеет значения, – ответил Сотник. – Нужны люди, на которых можно положиться. Палыч и Сапог в долгу предо мной. И они будут работать не хуже профессионалов.

– Можно поинтересоваться, что за долг?

– Жизнь, – Сотник взял зубочистку и стал ковыряться во рту. – Каждый из них обязан мне жизнью. Я имею право взыскать долг в любое время.

Лихно удивленно хмыкнул.

– И что, они... отдадут?

– Может быть, среди людей, с которыми вы общаетесь, принято не платить долги. Я этого не знаю. Те люди, с которыми я имею дело, долги возвращают. Это святое. Впрочем, долг можно и простить. Но это уже мне решать.

Лихно сгреб фотографии в портфель.

– Что ж, в принципе я не возражаю. Завтра ты получишь загранпаспорт. И банковскую карточку. На счете некоторая сумма. Немного. Это на личные расходы. По окончании дела ты и твои помощники смогут остаться в Турции. Или выехать в другую страну. В Россию возвращаться по понятным причинам пока нельзя. Как только передадите женщину мне или одному из моих людей, получите на руки новые паспорта и наличные. Не обещаю золотых гор. Но денег каждому хватит на год хорошей жизни в Европе.

Лихно поднялся, надел пиджак. И, уже попрощавшись, сказал, что все детали будущей операции они обсудят уже завтра. Но в другом месте, на съемной московской квартире. Сотник получит все, что нужно для работы: средства связи, оружие, деньги и транспорт. У него

будет дней десять, чтобы присмотреться к этой американке, изучить маршруты поездок по Москве. И решить, в каком месте и в какое время удобнее всего действовать.

Глава 6

Магазин кондитерских изделий «Мечта» не самый большой в Москве, от двери до прилавка всего десяток шагов. Здесь пахло мускатным орехом и ванилью. В отсутствии посетителей скучала, считая время до конца смены, продавщица по имени Ира. Свидание с одним перспективным ухажером назначено на девять вечера.

Смена кончится через час, ровно в восемь. Отсюда до Перово добираться минут тридцать или чуть дольше. Да там еще на автобусе четверть часа, да и автобуса этого ждать долго. Можно опоздать на встречу... Ира не закончила размышления, когда скрипнула дверная пружина.

Порог переступила женщина, одетая в темную куртку. Продавщица вспомнила посетительницу. Ее звали Джейн Майси, она американка, то ли экономист, то ли инженер. Американка хорошо говорила по-русски, с ней приятно переброситься парой слов. Прошлый раз она сказала, что ее командировка продлится еще пару месяцев. Майси поздоровалась и стала разглядывать товар на прилавке. Заметно, что сегодня Джейн не в настроении. Наверняка ей надоела московская погода, когда солнце не показывается неделями. То снег валит, то дождь капает. И нельзя определить, что за время года на дворе: то ли осень, то ли весна.

– Если хотите чего-то особенного, возьмите вот этот торт «Витязь», – сказала Ира. – Темные бисквитные коржи. А внутри вишня в коньячном сиропе.

– Спасибо, – кивнула Джейн.

– Если хотите пирожных, лучше взять эти корзиночки. Они совсем свежие. И крем нежирный, приятный.

Лицо Джейн оставалось напряженным, зрачки глаз расширены, будто американка выпила лишнего или не на шутку разволновалась. Она снова оглянулась через плечо, словно хотела убедиться на месте ли машина.

– У меня будут гости, – голос Джейн звучал глухо, будто она простудилась. – Я возьму десяток пирожных и торт. Ну, который вы советовали.

Ирина посмотрела на улицу сквозь большое, во всю стену, стекло витрины. Видны фонари, рассеивающие темноту промозглого вечера. Желтые круги света плывут по мокрому асфальту. У бордюрного камня, впритирку к тротуару, стоит иностранная машина серебристого цвета. Кажется, на ней ездит Джейн. Впереди темная машина, тоже иностранная, ненювая, с заметной вмятиной на заднем крыле. Ира подумала, что этот автомобиль только что подъехал, несколько секунд назад его здесь не было.

Она вытащила коробку, сложила в нее пирожные, затем достала из холодильника торт. И снова посмотрела на улицу, машинально отметив, что сзади машины Джейн остановилась «Волга» с какими-то темными мутными стеклами, будто залитыми мазутом. Погасли габаритные огни, но из машины никто не вышел.

– Погода сегодня плохая, – сказала Ира.

– Да, да, – рассеяно ответила Джейн. – Погода...

Иностранка одета в длинную кожаную куртку в талию. По фигуре этой Джейн не скажешь, что она увлекается пирожными с кремом. Продавщица была посвящена в секрет Джейн. Американка посещает фитнес-клуб, где занимается по какой-то продвинутой программе, у нее даже есть личный тренер. Все удовольствия – за счет фирмы.

Дверь приоткрылась, появился невысокий дядька средних лет в расстегнутой спортивной куртке. Козырек кепки надвинут на лоб. Человек вдохнул запах ванили, на его физиономии появилось что-то вроде улыбки. Он наклонился над прилавком, глянул на продавщицу, покосился на Джейн. Затем боком попятился к двери и вышел.

* * *

За рулем, «вольво», остановившегося впереди машины Джейн, сидел Николай Сотников. Рядом с ним на пассажирском сиденье, пристегнутая ремнем безопасности, дремала женщина в темной кожаной куртке. Она сладко посапывала, по салону плыл запах сладкого крепленого вина. На заднем сидении устроились два мужчины. Один из них только что заходил в кондитерскую, он откликнулся на имя Павел или отчество Палыч. Второй – коротко стриженный молодой человек с приплюснутым коротким носом. На запястье левой руки татуировка: олень на фоне восходящего солнца. Значит, малый отбывал тюремный срок на севере. Молодой человек откликнулся на кличку Сапог.

Сотник молчал, наблюдая, как к лобовому стеклу липнут крупные снежинки. Через пару секунд они превращались в капли влаги, медленно ползли вниз и пропадали из вида. Зима в Москве не похожа на ту зиму, что он помнил с детства. С высокими снежными сугробами, лютыми ветрами. А весна не похожа на весну.

Сотник повернулся назад и сказал:

– Ждем еще минуту. И выходим.

* * *

Американка наклонившись над прилавком, заговорила быстро и сбивчиво. Так, что продавщица не сразу поняла смысл сказанного. А поняв, испугалась.

– Тут есть запасной выход? Эти люди, ну, этот мужчина, который только что заходил... Они преследуют меня. Сейчас, когда он тут появился... Я видела за поясом, под брючным ремнем, рукоятку пистолета. Куртка распахнулась и... Посмотрите на машины возле тротуара. Эти люди не дадут мне отсюда уйти.

– Я все видела, – волна страха, накрывшая продавщицу, быстро схлынула. – У вас есть мобильный телефон?

– Он в машине. Все равно полиция не успеет приехать.

– Кто эти люди?

– Не знаю. Выпустите меня через заднюю дверь. Прошу вас...

– Так не пойдет, – покачала головой Ира. – С улицы все видно, каждый ваш шаг, каждое движение. Как только я пушу вас за прилавок к служебной двери, эти люди окажутся сзади дома быстрее нас. А там, на заднем дворе, деваться некуда.

– Что же делать?

– Насчет этих людей все ясно: они хотят отобрать вашу машину. Поэтому и следят за вами, ждут подходящего момента. Слушайте... Сейчас я выйду в дверь, что у меня за спиной. Бандиты подумают, что я пошла за тортом или за коробкой. Вы останетесь тут, будто ждете моего возвращения. Тем временем я окажусь во дворе. Оттуда незаметно попаду в магазин «Мастерица». Там продают нитки, бисер. А продавщица Зоя – невеста местного участкового полицейского.

– Участкового?

– Ну, полицейского, который главный на этой улице и на двух соседних. Зовут его Никита Сомов. Он после смены всегда торчит у своей Зои. И сейчас он у нее. Я вернусь через две минуты. Никита в форме и с оружием. Как только бандиты увидят его, сразу же уедут. Он проводит вас до дома. Если надо, вызовет еще полицейских. Только никуда не уходите.

Продавщица исчезла за служебной дверью. Джейн осталась одна. Ей захотелось оглянуться назад, посмотреть, что происходит на улице, но она не оглянулась.

* * *

Скрипнули петли входной двери, Джейн повернула голову. В магазин вошел молодой человек с коротким перебитым носом и шрамом над верхней губой. Он отступил в сторону, освобождая дорогу другому мужчине, высокому красавцу в сером плаще. Сотник шагнул к Джейн и сказал:

– Простите, что отвлекаю от важного дела. Но в двух кварталах отсюда, на перекрестке, вы поцарапали крыло моей машины. И даже не заметили этого. Или сделали вид, что не заметили. Не хотите взглянуть? Ну, на повреждения.

– Я жду продавщицу, – ответила Джейн, удивившись, как ровно и спокойно звучит ее голос. – Сейчас она вернется. Я расплачусь. А потом мы вместе посмотрим царапину.

– У меня нет времени ждать.

Мужчина схватил ее запястье. Джейн попыталась вырвать руку из его клешней, но ничего не получилось. Отступив на полшага, она, размахнувшись, ударила нападавшего сумочкой в грудь. Она хотела закричать, но подумала, что это лишь напрасная трата сил. На улице нет пешеходов, а если бы и были, не услышали криков. И в магазине никого, только она и двое бандитов. Джейн дернула плечом, освободила руку. Она, плохо соображая, что делает, рванулась к двери, наткнулась на молодого человека. Тот коротко размахнулся, ударил Джейн открытой ладонью по лицу. Попал в верхнюю челюсть, под нос. И снова ударил, в то же место, но уже слабее, без замаха.

На пару секунд Джейн ослепла от боли. Почувствовала, что прикусила язык. А носом пошла кровь. Горячие капли, защекотали губы, стекая на подбородок. Во рту появился солоновато-сладкий вкус, в ушах зазвенело. Сквозь этот звон слышен хриплый шепот:

– Молчи, тварь, иначе сдохнешь.

Кто-то вывернул до хруста правую руку, дернул ее с такой силой, что Джейн едва устояла на ногах. От боли на глаза навернулись слезы. Джейн потащили к двери. На секунду она почувствовала себя легкой, почти невесомой. Ноги оторвались от пола. Она не могла оказать сопротивления своим врагам, только успела выставить ногу, во что-то упереться. Схватила пальцами за ручку двери. Джейн застряла в дверях, словно пробка в горлышке бутылки.

– Помогите, – вместо крика из груди вышел жалкий мышинный писк. – Люди... Отстаньте, не трогайте меня. Заберите ключи от машины. Только отпустите.

Еще секунда – и ее выволокут наружу. Слезы лились из глаз, и в этих слезах тонул окружающий мир.

– Ни с места.

* * *

Это был незнакомый мужской голос, громкий и твердый. Джейн повернула голову, сквозь пелену слез увидела темный силуэт человеческой фигуры. Мужчина был в серо-голубой форме, он стоял по ту сторону прилавка. Рядом с полицейским оказалась продавщица. Значит...

– Стоять, – повторил полицейский. – Поднять лапы. Иначе стреляю...

И он действительно выстрелит. Но выстрел почему-то раздался где-то совсем близко, у самого уха. За ним еще один хлопок и еще... Поплыл запах горелого пороха. Кто-то снова ударил Джейн ладонью в лицо. Она повисла на руках бандита, перестав понимать, что происходит вокруг. Только услышала, как на плитки пола посыпалось битое стекло.

– Убили, убили...

Это закричала продавщица. Джейн чувствовала, как ее вытолкнули из магазина в предбанник, тесное пространство между двух дверей. Потащили дальше по ступенькам, по тротуару. Она постаралась поджать под себя ноги, но из этого фокуса ничего не вышло. Ее тащили к машине легко, будто тряпичную куклу.

– Помогите, – собрав последние силы, закричала она. – Люди...

Она увидела благообразного мужчину: очки, стриженная борода с проседью. Он стоял неподвижно, то ли не знал, что делать, то ли сам испугался почти до обморока. Прижимал к груди кожаную папку, таращил глаза и топтался на месте. Чуть поодаль, замерла в испуге женщина в светлом пальто. Встретившись взглядом с Джейн, она отступила с освещенного тротуара в темноту и отвернулась.

Через пару секунд Джейн засунули на заднее сидение машины. Слева сел мужчина в кепке, справа навалился плечом молодой человек. С плеча сорвали сумочку на длинном ремешке. На запястьях сомкнулись стальные браслеты наручников. За руль сел тот мужчина в сером плаще, машина сорвалась с места и, свернув с улицы, помчалась в темноту глухих переулков.

Здесь и в хорошую погоду человека не увидишь, а сейчас, кажется, что весь город вымер. Джейн пыталась вытереть окровавленный рот о кожаную куртку или шарфик, обмотанный вокруг шеи. Но кровь не успокаивалась. Молодой человек обшарил карманы Джейн, выудив ключи от машины и кошелек. Он что-то говорил ей в самое ухо, но от волнения Джейн перестала понимать русскую речь. Она дико вращала глазами и повторяла, адресуя слова неизвестно кому:

– Пусти меня, пусти... Гад... Пусти...

Ее никто не слушал. Машина, петляла по переулкам, но погони не было. Кто-то включил в салоне верхний свет. Стало видно, как мужчина в кепке роется в ее сумочке, перебирая содержимое. Ключи от квартиры, документы, фотографии ребенка... Только сейчас Джейн увидела, что на переднем сидении рядом с водителем находится женщина. Пристегнутая ремнем к сиденью, она дремала, свесив голову на грудь. То ли она была пьяна, то ли нездорова. На женщине темная кожаная куртка, легкий шарфик вокруг шеи. Голова не покрыта, прическа вроде той, что у Джейн, цвет волос тот же.

Глава 7

Машина выехала на освещенную улицу. Притормозила в сотне метров от ресторана. У освещенного подъезда стоял швейцар в форменном пальто с золотыми погонами. На голове фуражка с красным верхом. Швейцар скучал, потому что посетителей не видно.

Распахнулась правая передняя дверца, шелкнул замок пристяжного ремня. Женщину, сидевшую впереди, вытолкнули из салона на мостовую. Завизжали тормоза машины, идущей сзади. Это водитель вовремя заметил женщину на мостовой. Сотник, обернувшись назад, кивнул молодому человеку. Тот, ухватив Джейн за шею своей железной лапой, стал толкать голову вниз. Ясно: бандиты хотят, чтобы она наклонилась, не увидела дороги.

Через четверть часа машина остановилась в темном дворе. Двор был пустым, одинокий фонарь освещал высокое дерево и баки с отбросами, над которыми висела неестественно большая желтая луна. Это все, что успела увидеть Джейн. Через несколько мгновений она оказалась на заднем сидении другой машины. Все тот же молодой парень с татуировкой на запястье освободил ее от наручников, поднял кверху рукав куртки. Мужчина в сером плаще, пересевший назад, вытащил шприц, наполненной какой-то жидкостью и сказал:

– Не дергайся, дура. Я же иглу сломаю. И все придется начинать сначала.

Джейн почувствовала болезненный укол. Через минуту она прекратила сопротивляться. Мышцы наполнило приятное расслабляющее тепло. Непроглядная темнота вечера окружила Джейн со всех сторон, пленница провалилась в этот мрак и потерялась в нем.

* * *

Продавщица очнулась. Она увидела смятую коробку из-под торта «Витязь». Сам торт, упав с прилавка по пол, развалился на куски, испачкав волосы и лицо продавщицы. Ира машинально облизала губы и подумала, что крем невкусный. А вишни из торта не пропиты коньяком, как написали на коробке. Это обычные вишенки из консервированного компота.

Ира попыталась приподняться, оттолкнувшись от пола ладонями, но почему-то не смогла встать. Она подумала, что совсем не чувствует ног, во всем теле слабость, голова кружится. Только теперь она увидела лицо лейтенанта Никиты Сомова, перепачканное вишневым джемом. Лейтенант, широко раскрыв глаза, смотрел куда-то в потолок, будто увидел там что-то интересное. У стены лежала слетевшая с головы фуражка. Ира с запозданием поняла, что вишневый джем – это кровь Сомова.

Где-то поблизости слышались человеческие голоса. Сквозь распахнутую дверь сюда влетали порывы холодного ветра. Наверное возле кондитерской стали собираться праздные зеваки. Они топчутся снаружи, но войти в помещение боятся.

Ира слышала сирены полицейских машин. Звук становился все ближе. Ира выставила вперед руки. И стала смотреть на ладони, покрытые чем-то липким, то ли вареньем, то ли кремом. С усилием она перевернулась с живота на бок. И почувствовала острую боль в области груди и живота. В голове зашумело, почему-то не стало хватать воздуха для дыхания. Ира закрыла глаза от страха, она почувствовала, что захлебывается горячей кровью, вдруг хлынувшей изо рта.

* * *

Сообщение о перестрелке и похищении человека поступило в Главное управление внутренних дел Москвы в начале девятого. Дежурная группа в составе майора полиции Юрия Девяткина, эксперта криминалиста, четырех оперативников в штатском и кинолога со служебно-розыскной собакой прибыла на место ровно в восемь сорок.

К этому времени на месте находились офицеры из межрайонного управления внутренних дел и местного отделения полиции. Вскоре приехал следователь московской прокуратуры. Народу в кондитерскую набилось столько, что трудно было протолкнуться к прилавку. Поэтому Девяткин решил провести опрос свидетелей в соседнем магазине «Мастерица». На счастье полицейская машина, совершавшая патрулирование района, прибыла спустя пару минут после того, как смолкли выстрелы. Поэтому свидетели не успели разбежаться кто куда.

Девяткин устроился в тесном кабинете хозяина магазина. Здесь едва хватало места для крошечного стола, двух стульев и огромного несгораемого сейфа. Девяткин причесался перед зеркалом, поправил галстук и остался доволен собой. В новом костюме он выглядит представительно. На сердце было спокойно. В эту минуту казалось, что раскрутить это дело будет так же просто, как расколоть орех. Девяткин вызвал продавщицу магазина «Мастерица» Петрову, чей жених, лейтенант полиции Сомов, двадцати семи лет от роду, погиб в перестрелке с бандитами. Усадил женщину на мягкий стул, Девяткин включил настольную лампу и вытащил из портфеля бланк допроса свидетеля.

Тут выяснилось, что Петрова не может говорить, из ее груди вырывались стоны и рыдания. Девяткин успокаивал женщину четверть часа, но выжал из нее только те сведения, которые известны со слов местных полицейских. В магазин «Мастерица» примчалась продавщица из кондитерской «Мечта», попросила Сомова пройти с ней. Якобы, на посетительницу, иностранку по имени Джейн Майси, хотят пытаются напасть бандиты. Сомов молча встал и пошел, на ходу расстегнув кобуру пистолета. Через несколько секунд раздались выстрелы.

– Идите, девушка, – сказал Девяткин продавщице. – И постарайтесь успокоиться. Хотя... Какое уж тут спокойствие.

Он вызвал оперативника Сашу Лебедева, огромного мордастого парня, который брал все призы не ведомственных соревнованиях по классической борьбе. Пару дней назад Лебедев вернулся с очередных спортивных сборов, поэтому на его физиономии красовалась пара живописных синяков, левый глаз заплыл и закрылся. А на шее появились синеватые отметины, будто старшего лейтенанта долго, но безуспешно душили бельевой веревкой.

– Отведешь свидетеля к машине «скорой», – Девяткин кивнул на продавщицу. – Пусть ей сделают инъекцию успокоительного.

Продавщица подняла взгляд на Лебедева, вгляделась в его лицо. И заплакала еще горше, еще безутешней.

За женщиной в кабинете появился невысокий плотный мужчина лет пятидесяти с гаком. Звали его Константин Зобов. В свое время он служил в полиции. Работал с трудными подростками, пока кто-то из парней не ткнул своего наставника ножом в живот. По карьерной лестнице Зобов далеко не продвинулся.

– Ни черта я не видел, – сказал он. – В моей «Волге» зажигание барахлит. Я остановил машину, вышел и купил сигаэт. Снова сел в машину, а двигатель не заводится. Случайно глянул на тротуар, а там мужики какую-то бабу тащат. Я подумал, она пьяная. И больше в ту сторону не смотрел.

Девяткин, разочарованный результатом допроса, отпустил Зобова. В кабинете появилась миловидная женщина лет сорока по имени Инга Костина. Гражданка второй день ездит

общественным транспортом, потому что ее машина в ремонте. Она ждала автобуса на остановке, когда на улице появились какие-то люди. Костина решила, что это местные пьянчужки выясняют отношения. И отвернулась, потому что такие сцены вызывает в ее душе отвращение и брезгливость. Только потом узнала, что похитили женщину.

Девяткин заполнил протокол и попросил Костину расписаться.

– Вы только учтите: мой муж – депутат Государственной думы от правящей партии, – сказала Костина. – Если вы надумаете присылать мне повестки на допросы или таскать по кабинетам... Тем хуже для вас. Вы в каком звании?

– Майор.

– Если станете вести себя... Ну, вы знаете как: неэтично, вызывающе. То быстро превратитесь в капитана. А то и в лейтенанта. Будете регулировать движение, махать палкой на улице. Поняли меня?

– Понял, спасибо что предупредили, – кивнул Девяткин. – Но пока я не разжалован в лейтенанты и не стою на перекрестке, вот вам повестка. На понедельник, на девять утра. Адрес МУРа. знают все: Петровка, дом тридцать восемь. Всех вам благ. И большой привет мужу. Не вздумайте опоздать, иначе оформлю принудительный привод. Вас доставят на допрос в наручниках.

– Вы об этом пожалеете.

Сверкнув глазами, женщина поднялась и выскочила из кабинета, громко хлопнув дверью.

* * *

Последним свидетелем оказался преподаватель истории одного из московских институтов Павел Моисеевич Шумский. Он тоже почти ничего не видел, выстрелов не слышал.

– У меня хорошая зрительная память, – сказал профессор. – Но тут я стоял слишком далеко от этой кондитерской. Да, женщину я разглядел. Темная кожаная куртка, на шее красный шарфик. Я еще подумал: такая на вид приличная дама. И напилась, как сапожник. А вот на мужчин как-то не обратил внимания. И на машину, на которой они уехали, не посмотрел. Кстати, не могли бы вы погасить свою сигарету? Не выношу табака.

Девяткин огорчился до глубины души, когда сообщили, что все следы, которые могли оставить преступники в магазине, затоптали любопытные граждане и сами полицейские. Розыскная собака довела проводника только до кромки тротуара, подняла морду и завывала на темное небо. Для эксперта работы нет: потому что отсутствует хоть какой-то материал для анализа.

Вскоре в кабинет ввалился старший лейтенант Лебедев и сообщил, что бандиты выбросили Джейн Майси из машины и скрылись. Все произошло полчаса назад у ресторана «Светоч». Администрация заведения вызвала «скорую», пострадавшую доставили в больницу с диагнозом сотрясение мозга, перелом правого предплечья и множественными гематомами. Врач сказал, что пару дней ее продержат в палате интенсивной терапии, затем переведут в общую палату.

– Это наша подопечная? – спросил Девяткин. – Не другая женщина?

– Наша, – кивнул старлей. – Тут двух мнений быть не может. Бумажник при ней. В нем документы, права. И описание внешности и одежды полностью совпадает.

– Что еще говорят врачи?

– Что ее жизни ничего не угрожает. Если не считать...

– Чего еще не считать?

– Ну, в крови значительный процент алкоголя. Выходит, ее похитили чтобы... Даже не знаю. Вином напоить.

– Возможно, у нее банкет был на службе, – покачал головой Девяткин. – Или застолье в ресторане. Мы должны обеспечить охрану американки в больнице, а не острить тупым концом. Надо, чтобы наши парни в штатском посменно днем и ночью дежурили у палаты.

– И все-таки: зачем похитили Майси? – упорствовал Лебедев. – Ее машина цела. Деньги и кредитные карточки в бумажнике.

– Ты не первый год работаешь в МУРе. И должен знать, что бандиты совершают ошибки. Скорее всего, так вышло и на этот раз. Они прихватили женщину, а тут началась стрельба. Все решалось в доли секунды. Американку сунули в машину, там проверили ее документы. Убедились, что это не тот человек. И вытолкали ее из салона. К тебе несколько поручений. Хорошенько разузнай, что за личность наша свидетельница Инга Костина. Что она делала в этом районе в такое время. И в такую погоду. Ясно: у нее было срочное дело. Какое?

– Еще что-нибудь?

– Шумский врет – это ясно. Он наверняка запомнил лица похитителей. Узнай, о нем все, что сможешь. Он профессор каких-то умных наук и весь из себя такой заслуженный. Но пятна бывают даже на солнце. А уж про Шумского и говорить не стоит. Усек, что мне надо? Кстати, что слышно насчет машины похитителей?

– В районе улицы Машиностроения, во дворе одного из домов горит «вольво». Кажется, наш и есть.

Девяткин хмыкнул и прикурил новую сигарету. Надо же, та самая Джейн Майси, с которой он свел знакомство около года назад, снова появилась. В ту пору она влипла в неприятную историю, но до похищения тогда дело не дошло. Майси поклялась больше не приезжать в Россию, потому что ей здесь, мягко говоря, не очень везет.

Он сложил в портфель бумаги и решил, что лучший способ раскрыть преступление: подождать немного. Джейн должна подробно описать внешность преступников, она наверняка видела какие-то характерные приметы: татуировки, родинки, слышала их разговоры.

Глава 8

В понедельник дела навалились на Девяткина, как горная лавина. И погребли под собой. С утра на служебной машине он приехал к городской больнице, куда поместили американку. Главный врач травматологического отделения профессор Валерий Задонский, статный седовласый мужчина, усадил посетителя на стул и даже разрешил курить.

Глянув на Девяткина внимательно, сделал для себя какой-то важный вывод, покачал головой, а потом стал протирать безупречно чистые стекла очков фланелевой тряпочкой. Покончив с этим делом, сказал, что больная по-прежнему в реанимации. До сих пор держится высокая температура, а чем это вызвано – не совсем понятно. Если температура спадет, полицейские смогут поговорить с пациенткой, скажем, через неделю. И только в присутствии переводчика и секретаря американского посольства. Конечно, Джейн прекрасно говорит по-русски, переводчик тут без надобности. Но на соблюдении всех процедур настаивают американцы. Беседа будет не слишком продолжительной. Ну, так и быть, доктор на это дело выделит десять минут.

– Сюда звонили из американского консульства, – Задонский загибал длинные пальцы. – Из московского представительства «Хьюз и Голдсмит». Все рвутся в реанимационную палату. А у меня язык распух объяснять простые вещи. В реанимацию вход разрешен только персоналу. По специальным пропускам.

– На каждое правило есть исключение, – вставил Девяткин.

– Не сейчас. Мне того хватает, что у реанимационного отделения днем и ночью дежурят вооруженные автоматами полицейские. Больные жалуются.

– У больных проблемы с законом?

– У них слабое сердце. И нервы расшатаны.

Врач гордо вскинул подбородок, снял очки и, кажется, снова собрался их протереть, давая понять, что разговор подошел к концу. И посетителю пора выметаться. Когда профессор закончил манипуляции с очками, то обнаружил, что Девяткин сидит на прежнем месте.

– Валерий Иванович, дорогой мой человек, я майор уголовного розыска, – Девяткин постарался улыбнуться. – И мне рассказы про высокую температуру и пропуска для персонала – это плюнуть и растереть. У меня два трупа, молодые люди. Они погибли, потому что пытались помешать бандитам затащить в машину эту дамочку. Ваша пациентка цела, она легко отделалась. И будет, надеюсь, жить долго и счастливо. Сейчас она – главный свидетель. И пока я не получу ответы на свои вопросы, отсюда не уйду.

– Вы уйдете отсюда прямо сейчас и не получив ответов, – усмехнулся врач. – Здесь порядки устанавливаю я. И только я. До встречи.

Прения кончились, когда Девяткин снял трубку телефона и пригрозил вызвать группу силовой поддержки.

– Ведь не сам же я с вами драться буду, – сказал он.

Через несколько минут он стоял возле кровати, на которой лежала женщина неопределенных лет и наружности. Бинтами обмотана голова и большая часть лица, гипс на правой руке, простыня закрывает пострадавшую по самую шею. Женщина сжала потрескавшиеся серые губы, приоткрыла один глаз, посмотрела на посетителя и сделала вид, будто спит.

– Ты кто такая, красавица? – Девяткин придвинул стул и сел.

– А ты мент что ли?

– Хоть бы и так. Убийный отдел, МУР. Говорить можешь?

– Через слово, – женщина растянула в улыбки серые губы. – Спрашивай, чего молчишь.

* * *

Через полчаса Девяткин знал, что женщину зовут Ольгой, ей двадцать девять лет. Род занятий – эскорт услуги. Она сопровождала богатых клиентов в рестораны или на деловые встречи, а в конце вечера, если спутник не слишком напивался, не отказывалась разделить с ним постель. Три дня назад через сайт фирмы, где размещены фотографии всех девочек, сделал заказ новый клиент. Ничего особенного не требовалось: сходить в центр международной торговли на выставку, а затем поужинать с ним в ресторане «Украина». Приятный мужчина лет сорока, высокий, спортивного типа. Прикинут по фирме, воспитан, умеет поддерживать разговор и понравиться женщине.

Они побывали на той выставке, много болтали. Затем Леонид, так мужчина представился, пригласил ее в один французский бутик. Он выбрал замшевые полусапожки, красный шарфик из искусственного шелка и кожаную куртку. Сказал, что это презент, сущие пустяки, потом что настоящие подарки впереди. И попросил, чтобы на все последующие встречи, Ольга надевала именно эту куртку, сапожки и красный шарфик. Удивляться нечему, у клиентов возникают куда более странные, даже извращенные желания. На вопрос: почему он выбрал именно Ольгу, Леонид ответил в том смысле, что она похожа на одну давнюю подругу. Отношения с той женщиной чуть не переросли в большую любовь, которая на всю жизнь, но... Не сложилось.

– Врал, конечно, – сказала Ольга. – Но я с вопросами не приставала.

В прошлую пятницу Леонид попросил, чтобы в три часа дня она подъехала к кинотеатру «Ударник». На этот раз он не пользовался такси, приехал на своей машине. Он усадил ее на переднее сидение, сказал, что сегодня намечается романтический ужин в одном приличном ресторане.

– Некоторое время спустя я почувствовала, что со мной что-то происходит, – сказала женщина. – Я впала в состояние, когда мышцы тела словно деревенеют, не слушаются тебя, а человеческие голоса доносятся откуда-то издалека. И слышно их плохо.

Ольга хотела спросить своего галантного кавалера: какую заразу он подмешал в кофе, но не смогла языком пошевелить. Просто растеклась по сидению, как растаявшее желе. Она помнила, что машина долго колесила по городу, заднее сидение заняли какие-то люди. Когда она пришла в себя и открыла глаза, на город опускались первые сумерки. Машина стояла в каком-то дворе, дверца была распахнута. Ольгу кто-то хлопал ладонью по щеке, слышалась матерная брань и смех.

Она открыла глаза, сквозь туман увидела незнакомое мужское лицо. Она сидела все в той же машине, а тот незнакомый тип пытался прямо из бутылки влить ей в горло какое-то отвратительное пойло. Дешевое вино, пахнувшее пробкой и жженым сахаром. Ольга закрыла рот, вино полилось на куртку, на сидение. Мужчина ударил ее кулаком в лицо. Спустя время она почувствовала, как кто-то мокрой тряпкой вытирает с подбородка запекшуюся кровь. И снова она провалилась в космическую пустоту, где нет ни людей, ни света, ни звуков. Пришла в себя только в больнице. Позвала врача, но медсестра сказала, что разговаривать ей нельзя, чтобы не тратить попусту силы.

Девяткин успел задать один вопрос, но ответа не получил. Ольга заснула. А врач, сидевший на стуле у окна, сказал шепотом:

– Вот вам и американка...

* * *

В коридоре Главного управления внутренних дел в ожидании допроса Инга Костина провела около полутора часов. Наконец ее пригласили в кабинет. Женщина, усевшись за стол для посетителей, вгляделась в мрачную физиономию Девяткина и со злорадством думала, что сейчас испортит настроение этому тупому и бездушному менту. К работе с людьми майор непригоден, ему бы в деревне граблями махать, а не протоколы писать. Она не ответила на первый вопрос, а просто бросила на стол пропуск и сказала.

– Потрудитесь сделать отметку. И поставить печать. Иначе меня не выпускают из вашего здания.

– К чему так торопиться? – удивился Девяткин.

– Отвечать на вопросы без адвоката я не стану. А мой адвокат вернется из отпуска через месяц. Это первое. Теперь второе. Я поговорила с мужем о том безобразном инциденте, когда меня задержали на остановке. Чуть руки не крутили. Заставили отчитываться перед полицейским, словно какую-то преступницу. Мой муж сегодня же отправит депутатский запрос вашему начальству. Это касательно безобразного поведения полицейских. И вашего поведения прежде всего.

– У меня мало времени, – ответил Девяткин. – Вы свидетель тяжкого преступления. Отвечать на мои вопросы – ваш гражданский долг. Показания не будут использованы против вас...

– Я не стану отвечать ни на какие вопросы, – женщина презрительно усмехнулась. – Я дожусь возвращения своего адвоката с Сейшельских островов. И только потом появлюсь на Петровке. Вместе с ним. Кстати, к тому времени лично вас здесь уже не будет. Вы, Юрий Иванович, покинете это здание без погон майора и без выходного пособия. Конечно, без работы вы не останетесь. Молодой, полный сил мужчина должен приносить пользу обществу. Рабочие руки стране нужны.

– Вы так думаете? – Девяткин был озадачен монологом свидетеля. Поэтому ответил первое, что пришло в голову. – Вы уверены, что стране нужны именно мои руки?

– Нисколько в этом не сомневаюсь, – кивнула Костина. – И даже готова помочь в трудоустройстве. Неподалеку от нас идет строительство многоэтажного гаража. Мы с мужем там купили бокс на четыре машины. Поэтому я в курсе всех дел. Так вот, на стройке нужен вахтер. Стоять на воротах и проверять пропуска рабочих. И транспорт тоже. Хорошие условия. Работа на свежем воздухе. Бесплатный обед и проезд в автобусе. Могу похлопотать, если вы заинтересовались.

Девяткин перекалывал из руки в руку карандаш и кивал головой, словно фарфоровый болванчик. Трудно было понять, о чем он думает в этот момент. Возможно, он думал, что работа на свежем воздухе действительно пойдет на пользу здоровью. И бесплатное питание – это большое удобство. Возможно, его мысли текли совсем в ином русле, но сказал он следующее:

– Я вас внимательно выслушал. Теперь ваша очередь. Мой помощник старший лейтенант Лебедев и я в эти выходные не подышали свежим воздухом. Мы провели время в архиве информационного центра ГУВД. Бесплатными обедами нас не кормили. И на автобусе не катали. Но мы не без пользы ухлопали два дня. В частности, кое-что выяснили касательно вашей персоны. Так, мелочи...

Костина, стараясь не выдать заинтересованности, закинула ногу на ногу так, чтобы в поле зрения следователя попали ее точеные колени. И та часть ног, что выше колен, схваченная тонкими чулочками. Девяткин отвел взгляд в темный угол кабинета. И, больше не обращая внимания на телодвижения свидетеля, коротко изложил свою историю.

Муж Инги Борисовны, уважаемый человек, Феликс Костин перестал заниматься бизнесом с тех пор, как стал депутатом Государственной думы. Ну, известно, что закон запрещает депутатам заниматься коммерцией. Он передал бизнес в доверительное управление старому другу, некоему Сергею Покрасу. А бизнес немаленький: несколько продуктовых магазинов, склады и много чего другого.

Но в бизнес стали вмешиваться чувства. Обычные человеческие чувства, возникшие между женщиной и мужчиной. А это не шутка. Это бомба замедленного действия. Легкое увлечение переродилось в связь, которая тянется... Девяткин посмотрел на потолок и беззвучно зашевелил губами. Словно подсчитывал, какое время тянется та любовная связь. Но не сосчитал до конца, сбился...

– Вы эти сказки травите своей жене, – Костина попудрила носик и посмотрела на свое отражение в крохотном зеркальце. – Любому дураку с большими грязными ушами. Который любит слушать сплетни.

Девяткин не заметил этих слов.

– В пятницу я удивился. Такая породистая дама. Супруга депутата, которого по телеку часто показывают, будто он артист. И вдруг вы – одна. На темной улице. Выяснилось, что в доме через улицу проживает тот самый Покрас. Вы не ждали автобуса на остановке. Вы вышли из такси и дожидались зеленого сигнала светофора, чтобы перейти дорогу. Тут началась заваруха в кондитерской, вы поспешно отошли в сторону.

– У меня ничего не было с этим Покрасом. Он мужлан, бывший уголовник. Я сто раз говорила супругу, чтобы он этого деятеля выпер с работы. Давайте закончим на этом.

– Дослушайте, осталось немного, – пообещал Девяткин. – Сотрудники управления по борьбе с экономическими преступлениями приглядывали за Покрасом. Наружное наблюдение, выборочное прослушивание телефонных разговоров. Его подозревали... Впрочем, это тайна следствия. Но оперативная информация не подтвердилась, на Покрасе не висело ничего серьезного. А вот записи телефонных разговоров остались. Наверняка они заинтересуют вашего мужа. По глазам вижу, что заинтересуют.

– Господи, какая грязь, – Костина привстала, одернула юбку. – Какая мерзость. Слушать разговоры личного характера. Я вас прошу...

– Свою просьбу изложите позже, – сурово покачал головой Девяткин. – Я точно знаю, что вы стояли в десяти шагах кондитерской. Прямо над вами горел фонарь уличного освещения. Вы все видели. И наверняка хорошо запомнили внешность мужчин. Правильно?

Костина кивнула головой.

– Тогда сейчас мы спустимся на этаж. При помощи наших специалистов вы составите композиционный портрет нападавших. Ну, фоторобот. Что-то вроде рисунка. Вы сможете это сделать?

– У меня хорошая зрительная память. И еще я позвоню мужу, прямо сейчас. История с этим депутатским запросом – чистое недоразумение. Только... Ну, услуга за услугу? Договорились?

Глава 9

– Ох, ой, – хрипловатый женский голос стих. И спустя минуту. – Ох, мамочка...

Было темно так, что не увидишь ладонь, поднесенную к лицу. Джейн Майси лежала то ли на топчане, сбитом из досок, то ли на койке, где вместо матраса деревянный настил. Поверх настила постелили зимнее пальто с каракулевым воротником, изъеденным молью. Вместо подушки скатанная брезентовая роба, провонявшая соляжкой. На запястье левой руки не было часов, а на шее золотой цепочки с медальоном в форме сердечка. Медальон открывался, внутри была фотография шестилетней дочери Кристины.

– О, господи, – сказала из темноты женщина.

И надолго замолчала. Но совсем звуки не исчезли. Капля воды ударилась о жестяной рукомойник. Снова тяжело вздохнула женщина. И опять тишина.

Джейн помнила все обстоятельства своего похищения, помнила машину, в которую ее пересадили. Рядом еще стояли зловонные помойные баки, над которыми висела желтая луна. Она помнила, как женщину, занимавшую переднее сидение, на ходу вытолкнули из машины. И еще появлялись короткие отрывочные воспоминания: иглолка шприца входит в предплечье. Джейн вздрагивает от боли.

Неожиданно раздался звонок, громкий дребезжащий. Вспыхнула лампа над дверью.

– Проснулась? – спросила женщина. – И я тоже. Эх, снился мне... Сын снился. Кипятку хочешь?

Джейн села на своем топчане, огляделась по сторонам. В дальнем темном углу кособокий стол. На нем электрическая плитка, алюминиевый чайник с помятыми боками. Еще банка горчицы и полбуханки хлеба. Окон в помещении нет, стены сырые, на потолке проступили ржавые разводы от протечек и пятна плесени. В углу у двери за дощатой перегородкой унитаз, рядом железная раковина. На полу корыто, в таких когда-то давно купали младенцев. В другом углу ящик, забитый газетами, которые, видимо, использовали вместо туалетной бумаги. У наглухо закрытой железной двери, старая вешалка. На ней болтаются нищенские лохмотья: вытертая кроличья шапка с дырой на макушке, рабочий халат, припорошенный угольной пылью и телогрейка.

Джейн перевела взгляд на соседку по комнате. Сколько же ей лет? Сразу не скажешь. Не меньше двадцати, но не больше восьмидесяти. Где-то в этих пределах. Лицо серое, отечное. Каштановые с проседью волосы коротко подстрижены. Роста женщина невысокого, плечи широкие, жилистые сильные руки. Под глазом овал синяка. Вместо ночной рубашки – майка без рукавов и короткие мужские подштанники, подпоясанные веревкой. Икры ног покрыты синюшными волдырями. Хозяйка комнаты перехватила взгляд Джейн. Наклонившись, погладила ногу ладонью и надавила пальцем на волдырь с такой силой, что он побелел.

– Это все от угольной пыли, – сказала она. – Въедается в кожу. Недавно на руках волдыри стали появляться. Меня вообще-то Викой зовут. Полное имя Виктория. Ну, тут меня Королевой Викторией называют. Говорят, очень похожа. Прямо одно лицо. Ну, я не возражаю против королевы. Как думаешь, похожа?

Женщина повертела головой и горько вздохнула.

– Только короны не выдают.

Она сунула ноги в валенки с обрезанными голенищами, надела рабочий халат. Присев к столу, сыпанула в железную кружку щепоть заварки, налила кипятка. Достала откуда-то из подштанников перочинный нож с длинным широким лезвием. Намазав горчицей кусок хлеба, стала его жевать.

– Чего смотришь? – Виктория поманила Джейн пальцем. – Садись, поговорим. У меня смена в кочегарке только через час начинается. Вернусь поздно. И сразу спать.

Джейн подседа к столу, плеснула кипятка во вторую кружку, твердо решив выудить хоть какую-то информацию из этой странной женщины. Задавать много наводящих вопросов не потребовалось. Виктория охотно рассказала, что знала. Сюда она попала случайно. Единственный сын, работал заместителем управляющего небольшого коммерческого банка. То ли ее Юра подписал платежный документ, который не имел права подписывать. То ли подписал правильный документ, но деньги ушли не туда, куда их направили. И потерялись. То ли деньги были не простые, а бандитские.

Всех подробностей Виктория не знает. Но однажды к ним домой пришли серьезные парни, приставили к голове сына пистолет и велели написать несколько документов. Дарственную на квартиру, на загородный дом, на две новые машины. Они забрали деньги сына и его документы. А Юру отделали так, что он теперь не может без посторонней помощи подняться со стула. И еще плохо говорит. Из близких родственников помнит имя тетки и матери. Серьезные мальчики сказали Виктории, что деньги, ценности и недвижимость, изъятые у Юры, не покроют всех убытков, которые они понесли. Виктории придется отработать оставшийся долг за сына, поскольку он теперь к физической деятельности непригоден.

Викторию отвезли сюда, выдали рабочую одежду и объяснили, что ее задача двенадцать часов в день проводить в бойлерной, кидать в печку уголек, чтобы вода всегда была горячей. Надо следить за температурой котла и выполнять еще кое-какую работенку.

Наверху баня для больших людей. Говорят, сюда париться даже министр иностранных дел приходил. Викторию сразу предупредили: будут жалобы от клиентов, что вода негорячая, пусть обижается только на себя. Наказание за провинность будет жестокое, но справедливое. Поэтому она старается изо всех сил. Охранников в бойлерной нет, но надо помнить, что за тобой приглядывают. Категорически запрещено выходить в коридор, подниматься вверх по железной лестнице и спать. За это лишают еды и курева. И еще могут... Викторию сжала пальцы в кулак, поднесла этот кулак к носу Джейн и спросила, чем пахнет. Пахло угольной пылью и горчицей.

– Неправильно, – помотала головой Виктория. – Пахнет могилой.

Сколько времени она здесь кидает уголь, сама точно не помнит. Отмечала смены черточками на тетрадном листе. Но тот лист давно куда-то пропал. Начинала снова отмечать, да опять листок потеряла. Когда ее засунули сюда, была ранняя весна. И сейчас, говорят, тоже весна. Только вот какая она по счету?

Королева Виктория доела кусок хлеба, и спросила, за какие провинности тут оказалась Джейн. Выслушав ее историю, закурила папироску, долго о чем-то думала и сделала свой вывод.

– Я так смекаю: пришла моя очередь на волю выходить. А ты уголек кидать станешь. Честно: давно я смены жду. Спина не гнется, ноги ломит. Да... Теперь, может, выпустят. Может, я свое уже отмантулила. Ясно: надолго Виктории не хватит. Вот они тебя и похитили.

– Глупости. Людей не похищают, чтобы поставить у топки.

– Эх, мало ты еще живешь на свете, чтобы рассуждать. Лучше привыкай понемногу. Это только сначала трудно. Первые пару месяцев. А потом легче станет. Пожрать, ну, вроде как обед, приносят прямо в кочегарку. И после смены чего-нибудь дают. Чего у них наверху остается из жратвы. Папиросы – в день пачка. Чаю немного. Случается, стакан водки набулькают.

– А меня когда...

– Привезли? – Виктория погасила окурок.

Оказалось, Джейн попала в подвал сутки назад, как раз перед прошлой сменой в котельной. Ее внесли на руках двое парней. Расстелили пальто, положили на топчан и смотались. Королева Виктория попыталась разбудить новую соседку, но та спала как мертвая.

– Жить можно и тут, – повторила Виктория. – Если бы не эта проклятая угольная пыль. Даже плюнуть нормально не могу. Слюна пополам с копотью и сажей. А у тебе красивые волосы. Можно я потрогаю?

Джейн кивнула. Виктория погладила ее по голове, помяла пальцами локон волос. Тут щелкнул замок железной двери, лязгнул засов. Вскочив с табурета, Королева Виктория набросила на плечи телогрейку, сунула в карман пачку папирос и вышла в коридор. Джейн долго смотрела на свое отражение в осколке зеркала, приклеенного к стене. Выглядит она немногим лучше Виктории. Похожа на бродяжку с вокзала, у которой нет ни жилья, ни документов. Даже имени нет.

Джейн вернулась на свой топчан. Голова кружилась от слабости. Поправив старое пальто, она легла на бок и подумала о превратностях судьбы. Может статься, в ближайшие месяцы, а то и годы, ей суждено за кусок хлеба работать истопником в мужской бане. Жить в этом клоповнике, мыться в ржавом корыте и дожидаться то ли смерти, то ли чего похуже.

* * *

К пяти часам вечера Девяткин, расположившись в рабочем кресле, рассматривал гордый профиль Павла Моисеевича Шумского. Презрительно выпятив нижнюю губу, профессор наблюдал, как по подоконнику, медленно перебирая лапками, ходит жирный голубь. Вопрос Девяткина вернул свидетеля на грешную землю.

– Ну, вспомнили что-нибудь?

– Вынужден вас разочаровать. Забыл даже то, что помнил вчера.

Он посетовал на годы, которые берут свое. На память, которая слабеет. Да и зрение тоже не улучшается. В ответ Девяткин в деликатной форме рассказал полузабытую историю, случившуюся полтора года назад как раз на историческом факультете вуза, где трудится уважаемый профессор.

Дело простое, едва ли не в каждом учебном заведении случается нечто подобное. Жила-была студентка, назовем ее Вaley. В один прекрасный день она принесла своему преподавателю, с которым состояла в интимных отношениях, радостное известие о беременности. Девяткин из этических соображений не станет называть имени и фамилии того преподавателя. Ограничиться интимным прозвищем, которое дала своему кумиру студентка: Пусик. Так вот, Пусик почему-то не обрадовался, напротив, очень огорчился по этому поводу. Сказал, что возьмет все расходы на себя, но беременность надо прервать.

Но в душе женщины уже бушевали материнские чувства. Словом, состоялась ссора, с истерикой, взаимными упреками. Пусик говорил, что он уважаемый человек, профессор вуза, известного на весь мир. У него одних научных работ более пятисот. К тому же есть законная супруга, двое детей. И даже внуки. А злопыхатели и завистники только и ждут удобного момента, чтобы скovyрнут Пусика с насиженного места на кафедре. Но Валя не хотела слышать про аборт.

Выждав неделю, Пусик зашел с другой стороны. Он сказал, что Валя рождена, чтобы стать великим ученым. Сейчас она готовит диплом, после его защиты есть возможность остаться в институте, на профильной кафедре. И под чутким руководством Пусика писать диссертацию. А дальше перед бывшей провинциалкой откроется дорога счастья и успехов... Пусик не успел развить мысль, женщина ушла, хлопнув дверью.

Последний разговор состоялся спустя пару недель. Пусик решительно заявил, что запросто сможет завалить любую дипломную работу, самую крепкую, самую талантливую. Женщина опять послала его подальше и ушла. Когда провалилась на защите, поплакала и уехала в поселок, где живут родственники. Бедняжка одна воспитывает ребенка и старается забыть подлеца профессора.

– С каких это пор полиция интересуется личными делами граждан? – Шумский хмыкнул. – Я бы даже сказал интимными подробностями чужой жизни...

– Вопрос это не личный, гражданин любовник. Поскольку он не одного тебя касается. Скоро я получу письменное заявление пострадавшей Валентины Петровой. И у тебя начнутся такие неприятности, что...

– Слушайте, неужели вы на это способны? – побледнев, спросил Шумский.

– Я на многое способен, – кивнул Девяткин. – Хочешь убедиться?

Через минуту профессор дал задний ход. Мол, что отказывался сотрудничать со следствием, потому что бандиты и убийцы видели Шумского и наверняка его запомнили. А найти профессора проще простого – на кожаной папке, что он держал в руках, хорошо заметный золотой логотип вуза, где Шумский преподает уже двадцать лет. Его могут грохнуть за одно случайно вырвавшееся слово, за один намек... Пристрелят. Или прирежут.

– Не обольщайся на свой счет, – махнул рукой Девяткин. – Если тебя кто и прирежет – это твоя жена. Мотив убийства – ревность к студенткам.

Вскоре Шумский оказался в хорошо освещенной комнате, где вместе с художником и экспертом-криминалистом принялся за составление портрета предполагаемых преступников. А Девяткин уже в двадцатый раз набрал номер телефона третьего свидетеля происшествия: бывшего полицейского Константина Зобова. Но не услышал ничего кроме длинных гудков.

Глава 10

Джейн томилась в тягостном ожидании хоть каких-то известий. Но новости, ни хорошие, ни плохие, в подвал не доходили. Дважды в день верзила с мордой неандертальца приносил еду: перловку на воде, дурно пахнущие обеды с чужого стола, к которым противно прикоснуться. Или суп: кипяченая вода, в которой плавала скользкая переваренная лапша. За три дня Джейн съела пакет сухарей, несколько ломтей хлеба с горчицей и пересушенную рыбку с широким, как китайский веер, хвостом. От слабости она почти не вставала. Перечитывала старые газеты, засыпала и просыпалась, когда на пороге появлялась соседка.

Королева Виктория возвращалась черная от угольной пыли и под хмельком. Когда была не слишком пьяной, набирала воду в корыто и просила потереть спину.

– Эй, подружка, – говорила она. – Хватит отдыхать, ты не устала. Не понимаю, чего тебя на работу не гонят.

Джейн, делая вид, что спит, лежала, отвернувшись к стене, и старалась не двигаться. Плескалась вода, материлась Королева Виктория. Пахло углем и водкой. Потом соседка, повалившись на железную койку, начинала похрапывать, сначала тихо, причмокивая губами, будто соску сосала. Потом громче и громче. Наконец храп обрывался. Королева Виктория принималась кашлять и хрипеть во сне. Временами казалось, что она задохнется от этих хрипов.

* * *

Адвокат Дмитрий Радченко переступил порог кабинета и понял, что застал своего начальника не в самом добром состоянии духа. Хозяин юридической фирмы «Полозов и компаньоны» курил трубку только в минуты душевного расстройства. В воздухе плавал дым с ароматом верескового меда. Полозов выключил верхний свет, оставив гореть настольную лампу. Кивнув Диме, он пересел за стол для посетителей и спросил, как жизнь молодая. Дима ответил в том духе, что в тридцать семь молодость уезжает на скором поезде, на который не продают обратные билеты. Такая милая и привлекательная, она машет платочком из последнего вагона. И пропадает за поворотом.

– Смотрю, у тебя поэтический талант прорезался, – мрачно кивнул Полозов. – Можешь попробовать силы в нашей корпоративной газете. Догадываешься, почему ты здесь?

Радченко знал наверняка, что Полозов спросит, как продвигается дело американки Джейн Майси. А отвечать нечего. Поиски остановились, не успев начаться.

– Опаздываю, – Полозов положил трубку на подставку. – В семь мне надо быть возле Большого театра. Там я буду ждать одну дамочку... По секрету: дочка члена кабинета министров. И вся из себя красавица.

– Наверное, конкуренция страшная?

– Еще бы. К ней такие женихи подъезжают... Ты их рожи часто по телеку видишь. До зарезу надо отвезти ее на «Лебединое озеро». Балет дают завтра. Но я не достал билетов. При всех моих связях – не достал. Пришлось взять на сегодняшнюю оперу «Иван Сусанин». Скучотища, декорации еще те. Мрачные. Быт крепостных крестьян... Полный ужас. Кажется, что со сцены воняет крестьянскими онучами и солдатскими портянками.

– Соболезную.

– Соболезнования приняты, – кивнул босс. – Кстати, хочу тебе кое-что напомнить. Доходы нашей фирмы, а значит, твои и мои доходы, складываются из двух основных компонентов. Первое: мы представляем в судах любой юрисдикции интересы наших клиентов.

– Я знаю...

– Не перебивай. Где тебя учили хорошим манерам? В казарме? В ту пору, когда ты в армии служил? Плохо учили. Итак, вторая часть наших доходов – это работа с корпоративными клиентами. В том числе с иностранными фирмами. Мы заключаем с ними договоры о комплексном обслуживании: об охране, помощи в инкассации документов и денег, юридической поддержке бизнеса и прочее. Фирма «Хьюз и Голдсмит» – где работает твоя знакомая Джейн Майси – это курица, которая несет золотые яйца. Правильно?

– Возможно.

– Фирмачей, в том числе Джейн, мы обязаны беречь пуще глаза. Должны вытаскивать из любых темных историй, криминальных переделок. Следить, чтобы никто им на ногу в метро не наступил. Должны сдвигать пылинки с костюмчиков. И мы выполняем работу, стараемся отработать авансы. Теперь представь: кто-то из фирмачей уйдет от нас к конкурентам. Что случится? Вот что: за ним потянутся и остальные. В итоге мы потеряем не только деньги, но и репутацию. Тогда ты будешь ездить не на «Харлее», а на старом отечественном мопеде. Так провоняешь бензином, что красавица жена сначала перестанет с тобой ложиться в одну постель. А потом разведется к чертовой матери. И будет права на все двести пятьдесят процентов.

– Это вряд ли, но...

– Опять перебиваешь? А я буду ходить по разным конторам и наниматься на работу. Но меня никто не возьмет. Даже на должность младшего консультанта. Потому что в дешевом костюме я буду похож на беженца из Польши. А иностранные беженцы тут никому не нужны. Своих хватает. У меня лично слезы на глазах закипают. Ну, тебе меня не жалко?

– Жалко. То есть, я хотел...

– В таком случае у тебя полчаса. Рассказывай.

– Мне и двух минут много, – Радченко кисло усмехнулся. – Я наводил справки по всем каналам. Глухо. У ментов тоже нет ничего. Тем вечером Джейн остановила машину возле кондитерской...

– Обстоятельства похищения не пересказывай. Давай по существу...

– У следствия два свидетеля. Они с грехом пополам составили композиционный портрет бандитов. И на том остановка. Я знаком с Джейн. В прошлом году помог ей выбраться из переделки. Она прекрасный человек и хорошая женщина...

– У тебя была возможность в этом убедиться? – Полозов расцвел в улыбку. – Я так и думал. Молодец, Дима, зря времени не терял. Искренне завидую. Твоя супруга, надеюсь, не в курсе?

– Серьезно: у нас с Джейн ничего такого не было.

– Верю, – Полозов прижал ладони к сердцу. Ясно, он не верил ни единому слову Радченко. – Ты прости мое клятое любопытство. Сам жалею, что спросил. Но в моем кабинете как на исповеди. Отсюда ни единое слово не выйдет наружу. Так что не стесняйся. Ты встречался с ней? Как давно?

– Ну, где-то за два-три дня до ее похищения. Встречались по делу. Друзья Джейн, супружеская пара Бейкер из Америки, прилетела сюда, чтобы усыновить сироту, семилетнего мальчика из детского дома. Теперь они ждут решения вышестоящих инстанций и результатов медицинской комиссии. Мальчик калека, у него...

Полозов махнул рукой, не дослушал.

– Ты считаешь, история с сиротой может быть связана с похищением Джейн?

– Я думал об этом. Никакой связи пока не просматривается. Нет мотива, например, корысти. Усыновители ребенка – люди среднего достатка из Канзаса. Стив – монтажник промышленных холодильников. Лайза – домохозяйка.

– Ты помогал им? Ну, этой Лайзе и Стиву?

– Дал пару советов. У них есть свой адвокат по гражданским делам. Парень молодой, но хватка бульдожья. И, что интересно, у него есть совесть.

Начальник, приоткрыв рот, с интересом посмотрел на подчиненного. Полозову хотелось спросить: неужели юристу, адвокату в частности, нужна совесть? По какому назначению можно использовать эту субстанцию? Может быть, к совести прилагается инструкция по ее применению? Полозов печально вздохнул, глянул на часы. И решил, что на посторонние вопросы времени не осталось.

– Я жду результатов, – сказал он. – Положительных. Ты однажды уже помог Джейн. Повтори то, что уже делал. Только на этот раз, кажется, что дело сложнее, чем тогда. И опаснее. Но ты служил в специальных подразделениях морской пехоты. И наверняка там тебя отучили трусить.

– Сделаю все, что смогу, – Радченко догадался, что начальник ждет именно этих слов. – Но помните, в прошлый раз вытащил Джейн из переделки, потому что Бог играл за мою команду. Это простое везение. Я не профессиональный детектив, я всего лишь адвокат. Специализируюсь на уголовном праве. И в поте лица зарабатываю кусок хлеба.

– Не прибедняйся, – проворчал Юрий Семенович. – В твоей коллекции двадцать самых дорогих мотоциклов, какие только можно найти в Москве.

– Самые дорогие я уже продал. Моему двухгодовалому ребенку нужна дача в хорошем месте. И такое место, по мнению моей жены, есть только на Рублевском шоссе в двадцати километрах от Москвы. Там такие цены, что меня прошибает холодный пот. Словом, я не успеваю удовлетворять растущие потребности моей семьи.

– Посоветуй жене устроиться на работу, – процедил сквозь зубы Полозов. – И потребностей станет меньше. Я пережил два развода. И все по одной причине: разрешал женам не работать. Им в головы от безделья лезли шальные мысли. И вот... Я снова холост.

– Кстати, за ту прошлогоднюю историю меня обещали назначить старшим партнером адвокатской фирмы. Но ограничились денежной премией.

– Димыч, это закон жизни: крутым ребятам вроде тебя не достается ничего. В лучшем случае денежная премия. А партнером адвокатской фирмы, как ты знаешь, стал великовозрастный олух из корпоративного отдела. Жадный и безнадежно тупой. Потому что его папа... Ну, ты знаешь, кто его папа. Теперь иди и рой носом землю. Но чтобы Майси нашел, сроку тебе – две недели. По мере надобности можешь привлекать наших детективов. В расходах не стесняйся. Но попусту деньгами не сори.

Полозов тряхнул руку Димы и подтолкнул его к двери.

Глава 11

Королева Виктория еще не вернулась со смены, когда в комнату ввалились двое мужчин. Этим людям Джейн запомнила по встрече в кондитерской. Первым порог переступил дядька лет сорока пяти. Худощавый, с блатным прищуром бесцветных глаз, он так глядел на собеседника, будто собирался всадить ему под ребра заточку. Улыбался легко, открывая фиксу. Золотой зуб светился так ярко, будто во рту горел огонек.

– Мо... Можешь нас... нос... называть меня Палычем, – человек медленно выдавливал из себя слова. Получалось неразборчиво. Видно, этот тип с детства страдал всеми известными медицине дефектами речи. И с годами эти дефекты не исчезли, а только развились.

Другой персонаж – парень со шрамами на лице, назвал свою кличку – Сапог. Помолчал и добавил, что это прозвище легко запомнить. Неприятный тип. Переносица расплющена, нос напоминает стоптанный сапог, носок которого смотрит куда-то в сторону. То ли он бывший боксер, то ли просто любитель кулачных поединков.

– Выходи, – сказал молодой человек и высморкался на пол.

По бесконечному темному коридору, уходящему, кажется, в преисподнюю, они молча тащились минут десять. Остановились у двери, обитой войлоком. Палыч приказал Джейн повернуться лицом к стене, поднять руки и расставить ноги. Обыскал ее с головы до ног. Помял зад, провел лапой по спине и пощупал упругие бедра. Мучительно хотелось обложить этого негодяя матом. Но в эту минуту, от волнения и отвращения, охватившего все существо Джейн, она не вспомнила ни одного ругательства на русском языке.

– Кре... Крепкая задница, – промычал Палыч. – Еще... Еще будет время. На... на любовь. И всяк... всякое такое.

Он приоткрыл дверь и втолкнул Джейн в хорошо освещенную комнату, напоминающую следственный кабинет. Канцелярский стол, пара стульев и продавленный диван в дальнем углу. С потолка свисает лампочка в жестяном отражателе. Навстречу поднялся крепкий мужчина лет тридцати пяти. Румяное доброе лицо, прямой нос, ослепительная улыбка. Эту физиономию сам бог создал для того, чтобы она украшала обложки глянцевого журналов. Человек откинул назад прядь темных волос и посмотрел на пленницу чудесными фиалковыми глазами.

– Скажите этому омерзительному существу, – Джейн задыхалась от злости. – Скажите ему... Если тронет меня еще раз, хоть пальцем ко мне прикоснется... Я его убью. Не знаю как, но убью.

– Приношу извинения, – мужчина печально улыбнулся. – К сожалению, в тюрьмах и лагерях хорошим манерам не учат.

Завладев женской рукой, он растегнул замок наручников, с чувством помял узкую ладонь. Усадив Джейн на стул, начал говорить. Звали человека Алексеем, он служит в одной государственной организации, название которой предпочел бы не называть. И о характере своей работы много распространяться он не имеет права. Но эта работа связана с национальной безопасностью страны.

В настоящее время Алексей и его коллеги заняты поисками опасного преступника, члена крупной террористической организации. С терроризмом, как известно, идет война. А на войне, как на войне. Да, с Джейн обошлись не слишком вежливо. Ее похитили, в кондитерской началась стрельба... И лишь потому, что неудачно, трагически, сложились обстоятельства.

– Тот тип, что меня лапал, тоже борец с терроризмом? – Джейн показала пальцем на дверь. – Кадровый офицер?

– Ни боже мой, – покачал головой собеседник. – Иногда мы нанимаем помощников из уголовников, которых используем втемную. Так нам удобнее. Они не знают, на кого работают. Не знают наших целей и задач. Этих людей интересуют только деньги.

– А вы, значит, борец за идею?

Кажется, Алексей последних слов не услышал.

– Мы живем в такое время, жестокое и беспощадное, – он рухнул на стул, будто поймал пулю, выпущенную террористом. – Иногда во имя спасения тысяч и тысяч невинных людей, приходится чем-то жертвовать. Да... Такие дела.

Алексей поднялся и, продолжая говорить, стал расхаживать по комнате. Иногда он садился на диван, зажимал ладонями колени, но долго на месте усидеть не мог. Снова вскакивал, будто в зад кололи чем-то острым, мерил шагами комнату и говорил. Некоторое время Джейн пыталась понять, о чем идет речь. Терроризм, война, испытания, жертвы... Эмоциональная болтовня была переполнена недомолвками и туманными намеками.

– Пожалуйста, выражайтесь яснее, – сказала Джейн. – Я пережила несколько кошмарных дней и ночей. Я не знаю, где я нахожусь. Не знаю, что происходит. Не знаю, с кем разговариваю. Это как кошмарный сон. Только проснуться нельзя.

– Простите. Теперь буду краток.

Он разложил на столе военную карту и объяснил, это здесь территория Турции. Вот относительно пустынные районы на востоке страны. Джейн наверняка сама пользовалась такой или почти такой же картой и понимает, о чем идет речь. Несколько месяцев назад один местный бизнесмен по имени Ахмед решил продать свой дом российскому гражданину Игорю Аносову. Особняк находится в пустынном месте, вдалеке от туристических маршрутов, больших городов и дорог. Там нет моря, нет отелей. Только горы и безводная равнина. Время остановилось в тех краях лет сто назад и с тех пор не двигалось. Неподдалеку от дома расположено заброшенное селение, несколько десятков дворов. И ни одного жителя.

К слову, Ахмед выпускник Оксфорда, он эрудит, великий гурман и на свой манер философ. Впрочем, теперь об этом достойном человеке уместно говорить в прошедшем времени. Мужчина трагически погиб в рассвете лет.

Зачем Аносову понадобился дом, расположенный в такой глуши – тоже понятно. Ему пятьдесят шесть, он богат... Ему бы жить в шикарных отелях на лучших курортах мира. Но он давно не в ладах с законом. Его подозревают в особо тяжких преступлениях: убийствах, отмывании грязных денег, незаконной торговле оружием. Свой бизнес начинал с поставок наркотиков из Афганистана, но потом сменил сферу деятельности. Помогал отстирывать грязные деньги бандитам.

Есть еще одна причина купить именно этот дом.

– Он не совсем обычный, – Алексей встал с дивана и пересел в кресло. – Большая часть сооружения находится под землей. Там же автономная электростанция, гараж на десять машин и много чего еще. У Аносова всего пять-шесть охранников. Но в таком доме охрана не нужна. Потому что дом сам охраняет хозяина. Под землей – запутанный лабиринт комнат, которые сообщаются между собой. Из них скрытые ходы ведут на равнину. Есть один ход, прорытый к горной гряде.

Ахмед, бывший хозяин, унаследовал дом от отца. Устроил там современную систему вентиляции, реставрировал особняк. Однако новый владелец Игорь Аносов захотел кое-что перестроить в доме. Обновить фасад, возвести флигель.

Он связался с чикагской фирмой «Хьюз и Голдсмит». Там решили отправить в Турцию талантливого архитектора Джейн Майси. Она тщательно обследовала дом и прочие сооружения, нарисовала архитектурный план дома и подсобных построек. Затем приступила к созданию эскизов фасада и нового флигеля.

– У вас есть информация, которая нужна настоящим патриотам России, – сказал Алексей. – Мы рассчитываем на вашу помощь.

– После того, что вы сделали? – Джейн почувствовала, что готова заплакать. – Меня похитили. Держат в этой помойной яме. И еще рассчитывают на мою помощь?

Алексей пропустил вопрос мимо ушей.

– Планы и чертежи, что оставались у бывшего хозяина дома, утеряны, – сказал он. – Ахмед погиб пару месяцев назад. На окраине Стамбула в одном из притонов, где курят гашиш, его пытали. Но он такой упрямец. Видимо, палачи не добились от него и слова правды. Убийцам удалось скрыться. Добычей полицейских стал кривой турецкий кинжал, испачканный кровью. Наша последняя надежда – это вы. У вас феноменальная память. Вы можете восстановить все чертежи.

– Память у меня хорошая, но не уникальная, – покачала головой Джейн. – С Аносовым я знакома. Уверяю вас, он не злодей. Он не террорист, не мафиози, он не отстирывает грязные деньги. Он богатый человек, бывший бизнесмен, который отошел от дел. Он сторонится людей, не любит долго находиться в толпе, на улице или в ресторане. Поэтому ищет уединения. Аносову кажется, что его дом самое спокойное место на свете. Именно поэтому он купил этот особняк.

– У нас другие сведения. Есть факты, которые подтверждают... Ну, вижу, у вас глаза слипаются. Продолжим разговор позже.

Джейн снова повели тем же длинным коридором, на этот раз обошлось без унижительной процедуры личного обыска. Оказавшись в комнате, она сполоснула лицо ржавой водой, сочившейся из крана. Упала на деревянный настил койки и закрыла глаза, мечтая поспать до прихода соседки. Но сна не было.

Глава 12

Алексей Куприн, оставшись в кабинете, сидел за столом, что-то записывая в блокноте. Вскоре появился полковник Лихно. Одетый в темно-серый модный костюм, яркий шелковый галстук, он выглядел так, будто явился сюда с дипломатического приема. Он сел на угол стола, одна нога упиралась в пол, другая оставалась на весу, – и стал просматривать записи, сделанные Куприным. Переворачивая страницы блокнота, он болтал ногой и мурлыкал под нос какую-то мелодию.

– Разрешите вопрос? – Куприн встал и прошелся по кабинету. – Мне кажется, – мы попусту теряем время. Тратим время на болтовню. У нас есть эта Джейн. Возможно, уже завтра мы получим ребенка. Нам больше ничего не надо, – только эта женщина и еще мальчик, сирота по имени Коля. Мы выиграли партию. Ну, почти выиграли.

– Вы так считаете? – Лихно листал блокнот.

– Разумеется. Интересная история, на ее основе можно написать потрясающую любовную драму. Читатели будут обливаться слезами. Бизнесмен Аносов, одинокий баснословно богатый человек, любит Джейн. Возможно, это его последняя, самая сильная, глубокая любовь. А мальчик – его единственный сын от женщины, которую он любил когда-то, некоей Елены Степановой. Мальчик волею обстоятельств был разлучен с отцом. Коля был рожден в тюрьме, получил инвалидность, лишившись руки.

– Хватит, а то я заплачу...

– Семь лет своей жизни он мыкался по детским домам, может быть, он никогда в жизни до сыта не ел. О существовании сына Аносов до недавнего времени ничего не знал. А как только получил информацию, что Коля жив, бросил своих людей на его поиски. Но мы оказались быстрее. Ребенок которого Аносов долго не мог найти, скоро будет у нас. Джейн уже здесь. Это драматическая история может иметь счастливый финал. Аносов прижмет к груди единственного сына и любимую женщину. Но расстанется с деньгами, которые ему, ему, по совести говоря, не очень нужны. Которыми он не дорожит.

– Не знаю, кого он там прижмет и к какому месту, – проворчал Лихно. – Но у вас неплохо получается истории рассказывать. Я сам готов заплакать.

– Дело почти сделано. Остается предъявить Аносову его любимую женщину и его сына... А нам надо будет пересчитать деньги.

– Эх, молодость, – вздохнул Лихно. – Вы очень торопитесь... В молодые годы я сам был нетерпеливым человеком. Хотелось получить все и сразу. Только с годами понял: так не бывает. Хороший урожай приносит лишь возделанная, политая потом земля. Урожай не соберешь без труда.

– Но задача решена на девяносто процентов. Скоро Аносова можно будет брать голыми руками. А вместо этого я сижу в этом вонючем подвале, рассказываю Джейн сказки, будто Аносов террорист.... Господи, эта дамочка мне не верит. Я сам себе не верю, – настолько все это фальшиво, неубедительно.

– Мой друг, вам не хватает выдержки, умения ждать, – печально улыбнулся Лихно. – Да, да... Терпения не хватает. А это часть, важная часть, нашей профессии. Разговаривая с Джейн, вы не просто языком шевелите. Вы проводите психологическую обработку этой женщины. Сейчас она энергична, легко возбудима, у нее есть принципы, высокие идеалы. Она знает, что такое плохо и что такое хорошо. Она боится нас, не доверяет нам. И правильно делает. В таком состоянии тащить ее за тридевять земель, делать участником нашей игры, – весьма опасно. Она будет стараться помочь Аносову и помешать нам, будет врать, попытается бежать, даже покончить с собой... Все, что угодно. Чет знает, что у нее на уме.

– Чего мы достигнем после ее психологической обработки?

– Человеческая сущность Джейн будет деформирована. Она превратится в сломленного человека. Сейчас она стала сомневаться в Аносове. А вдруг он и вправду плохой парень? Вдруг он действительно связал с преступниками, террористами. И это как раз то, что нам нужно. Вы сами увидите, как совсем скоро она предаст Аносова. А после этого станет терзаться виной за свой подлый поступок. Она постоянно, днем и ночью, станет испытывать страх за свою жизнь, за жизнь своего ребенка, оставленного в Америке. Психологическое давление надо продолжить, усилить. Возможно, Джейн испачкает руки кровью, убьет или тяжело ранит человека...

– Убьет человека? – переспросил Куприн. – Испачкается кровью?

– Почему бы и нет? Можно попробовать и такой вариант. Кровь и смерть – это старый проверенный практикой способ психологического давления. Тогда к сомнениям и страхам добавятся новые фобии. Страх ответственности перед законом. Боязнь получить здесь, в России, долгий тюремный срок. Возможно, умереть в тюрьме, никогда не увидеть свою дочку... Угнетенное психологическое состояние. Я не завидую этой женщине. Сейчас ей трудно, но будет еще труднее.

– Не понимаю, о чем вы? – Куприн был заинтригован.

Лихно встал, отошел в угол комнаты, к рукомойнику. Наклонился, пустил воду и стал мыть руки, тщательно натирая ладони дешевым темным мылом.

– Терпение, мой друг, – сказал он. – Терпение... Скоро вы все увидите сами. Джейн будет жить в плену страха, потеряет сон, потеряет способность к сопротивлению, к самостоятельному мышлению. Из нее можно будет веревки вить. Сейчас она видит в нас врагов, а вскоре мы станем ей почти друзьями, единомышленниками, ее защитниками. Конечно, если в течение ближайшего времени она не сойдет с ума... Можете мне поверить: психологические перегрузки порой тяжелее, гораздо тяжелее физических пыток.

– Интересно...

– И вот тогда мы придем к Аносову вместе с дамой его сердца, вместе с его ребенком. И скажем: а теперь, друг любезный, – плати. И он отдаст все. Не раздумывая. Без всяких условий, без лишних слов. А вы говорите: пустая трата времени, болтовня...

Лихно вытер руки, повесил полотенце на вбитый в стену гвоздь и, резко обернувшись, поймал на себе восхищенный взгляд Куприна.

* * *

Услышал телефонный звонок, Радченко взглянул на часы: без пяти одиннадцать. И подумал, что в это позднее время приличные люди уже не звонят, а если все же беспокоят, то исключительно по срочному делу. Дима услышал голос Лайзы, подруги Джейн, что приехала с мужем из Канзаса.

– Прости, что я не вовремя, – сказала она по-английски. – Но творятся какие-то странные дела. После исчезновения Джейн нам со Стивом не к кому обратиться. Кроме тебя.

– Что случилось?

– Не хочу говорить по телефону, – ответила Лайза. – Ты не мог бы заехать к нам прямо сейчас? Или встретимся на полдороге?

– Лучше последний вариант, – ответил Дима и объяснил, как добраться до пивного бара «Раритет». – Это хорошее место. Мы сможем спокойно пошептаться.

Он положил трубку, вышел из кабинета, завернул в ванную комнату. Вода сочилась тонкой струйкой, Радченко успел вымыть руки и сполоснуть лицо, еще до того момента, когда вода совсем перестала течь. Он подумал, что за те бешенные деньги, что платит за аренду дома на Рублевском шоссе, мог бы получить исправную канализацию и воду. Но унитаз

среди ночи извергал воздушные пузыри, издавал странные звуки, похожие на бормотание проснувшегося гейзера или подземной реки.

Радченко вернулся в свою спальню, покопавшись в стенном шкафу, выбрал выдавшую виды кожаную куртку с косой молнией и протертыми локтями, башмаки из грубой кожи и джинсы. Уже одетый в коридоре он столкнулся с женой. В длинном стеганом халате она шла навстречу.

– Я думал, ты спишь, – сказал Дима. – Появилось пустяковое дело, скоро вернусь. Но ты меня не жди. Ложись.

– Я все-таки дождусь тебя, – Галя положила руки на плечи Димы и поцеловала его в щеку и в подбородок. – Не спрашивать: куда ты собрался? Или все-таки поинтересоваться?

Радченко врал легко и был готов к любому вопросу.

– Ответ тебя разочарует. В деле, которым я занят, нет ни роковых женщин, ни опасности, ни риска. Даже банальной интриги нет. Сплошная рутина и бумажная пыль. Сутяжный спор двух бизнесменов, которые делят, но не могут поделить бизнес. Несколько общих бензоколонок.

– До утра бензоколонок не подождут?

– Чем раньше закончу эту бодягу, тем скорее получу отпуск. И мы на две недели улетим в теплые края.

– Тогда езжай на машине. Ночью носиться на мотоцикле...

Радченко упрямо покачал головой:

– На машине ездит тот, у кого нет мотоцикла.

Через пару минут он вывел из гаража черный «Харлей», переключил передачу и рванул с места. Накапывал мелкий дождь. В свете фонарей мокрый асфальт отливало золотом. Через полчаса он тормознул возле пивной «Раритет», установил мотоцикл на подставку и, сдернув с головы промокшую бандану, взобрался на высокое крыльцо. В заведении собирались байкеры, их подруги и все те, кто не равнодушен к жизни на двух колесах.

Играла музыка в стиле кантри, по стенам развесили постеры легендарных старых мотоциклов, под потолком слоился табачный дым, с которым не справлялась хилая вытяжка. Пиво лилось рекой. Бармен Борис Иванович, для своих просто Бор, высокий мужчина с длинными седыми волосами, выглядел усталым. Он сдвинул ковбойскую шляпу на затылок. Верный признак, что посетителей сегодня больше, чем обычно, а работы до утра будет много.

– Чего тебе? – спросил Бор вместо приветствия.

– Чего покрепче, на твое усмотрение, – ответил Радченко.

* * *

До появления Лайзы и Стива Дима успел многое. У барной стойки он влил в горло две порции водки с лимонным соком. За столиком в углу переложился парой кружек красного ирландского пива и съел куриную грудку под томатным соусом. Довольный собой, Радченко чувствовал, как тепло расходится в крови, наполняя душу энергией жизни. А легкое раздражение, оставшееся после разговора с женой, без остатка растворилось в этом тепле. Лайза и Стив появились в сопровождении адвоката Ильи Земского, унылого парня с портфелем из свиной кожи, распухшим до невероятных размеров.

Стив опустил на стул у окна, вытянул ноги и задал Диме несколько вопросов о судьбе Джейн. Ничего вразумительного Радченко ответить не смог, он позвал официантку в короткой кожаной юбке и прозрачной рубашке, завязанной узлом на пупке. И спросил четыре пива.

– Что случилось? – спросил Дима по-английски.

– Плохие новости, – ответила Лайза. Она смотрела на противоположную стену, но, кажется, ничего не видела. – Колю, мальчика, которого мы хотели усыновить, позавчера вдруг увезли из детского дома. Еще с ним было трое ребят. Сказали, что детей отправили в областной центр на медицинское обследование. В тот же день обратно вернулись только три ребенка. Я звонила Джейн, но ее мобильный телефон не отвечает.

– Да, ее нигде нет, – кивнул Радченко.

– Куда делась Джейн, я догадываюсь, – сказал Стив. – Она как-то говорила, что отпросится с работы, чтобы съездить в Санкт-Петербург на несколько дней. А мобильный телефон отключит, чтобы никто ее не беспокоил. Она давно хотела сходить в какие-то музеи, в Эрмитаж. И вот сейчас, в самое неподходящее время, она уехала и...

– Если бы она поехала в Санкт-Петербург, то предупредила бы начальника, – сказал Радченко. – На работе не знают, где Джейн. Никто не видел ее с прошлой пятницы.

– Джейн женщина молодая, – сказал Стив. – А где молодость, там безумства, увлечения, любовь и страсть. Уверен, что совсем скоро она найдется. И расскажет о своих приключениях.

– Я не хотел говорить об этом, чтобы вас не расстраивать, – сказал Радченко. – Но полиция подозревает, что какие-то негодяи похитили Джейн. Больше ничего сказать не могу. И не задавайте вопросов. У меня нет ни одного грамма информации.

– Может быть, Джейн похитил горячий и нетерпеливый любовник? – Стив рассмеялся. – В это я готов поверить.

– Удалось выяснить, куда отвезли мальчика? – спросил Радченко.

– Вот адрес, – Земский держал в руке мятый листок. – Онкологическое отделение областной больницы. Я звонил туда. Есть подозрение, будто у него опухоль мозга. Врач сказал, что мальчика задержат там на неделю. Если все будет нормально, привезут обратно. Ну, в интернат. Вчера я снова позвонил в больницу. Мне сказали, что Коли там уже нет. Его куда-то увезли, а куда – неизвестно.

– Думаю, возникла какая-то путаница, – Радченко улыбнулся через силу. Он чувствовал, что тревога за судьбу ребенка передалась и ему. – Мальчик по-прежнему в больнице, но куда-то потерялись его документы, бумаги. Такое иногда случается. Теряют бумаги, а человек на месте.

– Мы думали, ты сможешь помочь, – процедил Стив. – Мы не слишком богатые люди. Но готовы потратить деньги, что скопили на старость. Лишь бы усыновить мальчика. Он любит нас. А мы любим его. Помогите...

– Хорошо, – кивнул Радченко. – Постараюсь что-нибудь придумать.

Он подумал, что ехать в Калугу следует прямо сейчас. Ранним утром он будет в городе, а в первой половине дня, если повезет, округлит все дела. И вернется назад.

Глава 13

Квартира отставного майора полиции Владимир Шаталова пропахла табачным дымом. Хозяин по случаю прихода Девяткина надел форменную рубашку, вытащил из металлического шкафа, где хранил охотничье ружье, бутылку коньяка. По дороге Девяткин купил кое-какой закуски, прихватил бутылку породистого «Мартеля». И теперь сидел в старом неудобном кресле, ощущая мягким местом выпирающие наружу пружины.

– Поначалу я решил, что похищение Майси раскрутим быстро, – сказал Девяткин. – Свидетели составили композиционный портрет одного из похитителей, которого хорошо рассмотрели. А затем узнали его на фотографиях в одном из альбомов, который я им давал посмотреть. По всему выходило, что это некий Сотников он же Сотник. Опасный тип. Но на этот раз оба свидетеля ошиблись. Сотников отбывает срок в колонии строгого режима под Владимиром. Мы направили запрос в ГУФСИН и Министерство юстиции. И получили ответы. Ошибка исключена – Сотников мотает срок. И сидеть ему еще три года. Свидетели ошиблись, потому что внешность у него такая... Ну, похож на одного иностранного актера.

– Бывает, – кивнул хозяин дома.

– Потом бесследно пропал один из трех свидетелей, бывший полицейский. Сел в машину и укатил в неизвестном направлении. Объявили в розыск. Но результатов никаких. Тогда начальник следственного управления и говорит: «Если у нас нет ничего, может, Шаталов что-нибудь посоветует».

– Последние десять лет службы, до самого ухода на пенсию, я занимался только экстрасенсами. Да, о них вспоминают, когда у следствия нет ни доказательной базы, ни свидетелей. Ни хрена нет, – дядя Вова расстелил на столе скатерть. – А из московской мэрии или, бери выше, администрации президента звонят большие начальники. Почему дело, о котором все газеты пишут, до сих пор не раскрыто? Таки дела... Когда похитили американку?

– Почти неделя прошла. Похитители не выдвинули никаких требований.

Шаталов посмотрел на свет рюмку, нежно подышал на нее и протер салфеткой.

– Это долго. Значит, бабу уже убили.

– Не думаю, – ответил Девяткин. – Действовали профессионалы. Пустили нас по ложному следу, выиграли время. Сами спокойно замели следы и скрылись. Не для того они пошли на делюгу, чтобы замочить иностранку.

– Есть несколько экстрасенсов, которые сейчас сотрудничают с полицией на постоянной основе. Ну, до того, как у меня начались неприятности с сердцем, я работал с некой Антониной Беловой. Собственно, я и притащил ее в полицию. Скажу так: она сегодня – лучшая.

– Серьезно?

– Была еще одна ясновидящая с потрясающими способностями. Полуслепая неграмотная старуха. Жила в деревне, где меньше десятка домов. В прошлом году ее убила молния. Осталась Белова. Мы вышли на нее случайно. Бывший муж Антонины устраивал ей что-то вроде концертов в клубах. Она там угадывала числа, которые на бумажках пишут зрители в зале. Искала потерянные вещи и всякое такое. Номера вроде тех, что в цирке фокусники показывают. Так совпало по времени, что про Белову пронюхали на центральном телевидении. Хотели сделать про нее большую передачу для первого канала. Уже отсняли кое-что, фрагменты концертов, интервью, еще кое-какой материал.

– Телевидение – это к неприятностям, – поморщился Девяткин. – По себе знаю.

– Если бы передача вышла в эфир, в течение одного вечера Белова стала известна на всю страну. И, разумеется, фантастически разбогатела. К ней на прием записывались бы на год вперед. Люди последнее с себя продали бы, чтобы узнать, где их потерявшиеся дети.

Но мы сумели остановить все это. Лично я ездил в Останкино (Останкино – Район Москвы, где находится комплекс зданий Центрально телевидения России. Примечание Автора). Я не мог сказать этим господам с телевидения: не делайте передачу. Если ее покажут, Белова будет навсегда потеряна для полиции. Человек, которого знает полстраны, к нашей работе непригоден. Но я не мог сказать этого напрямик. Впрочем, меня бы не послушали.

– И чего ты придумал?

– Я сказал, что к Беловой есть серьезные претензии, – Шаталов протер салфеткой ножи и вилки. – Она воровка и мошенница. Возбуждено уголовное дело, дамочка скоро предстанет перед судом. А потом отправится в места не столь отдаленные. Я выложил на стол уголовное дело, которое по моей просьбе сварили ребята из оперативно-розыскного отдела. Все это не совсем законно, ну, фабриковать документы и всякое такое... Но какое кому дело до бюрократических формальностей, когда речь идет о серьезных вещах.

– И что в итоге?

– Мне нужна была эта Белова. И я ее получил. В Останкино полистали так называемое уголовное дело. Сквозь зубы поблагодарили меня за ценную информацию и за помощь. Да... Ты бы видел кислые морды у телевизионных начальников. Передачу, сделанную наполовину, положили на полку. Вопрос был закрыт навсегда.

* * *

Джейн разбудил странный звук, кажется, мыши скреблись в стену. Это королева Виктория, вернувшись из кочегарки, доедала ужин. Сидя за столом, она выскребала ложкой содержимое закопченного котелка. Покончив с кашей, вытащили из-за пазухи складной нож, отрезала кусок хлеба и намазала его горчицей.

– Чего валяешься? – Виктория заметила, что Джейн не спит. – Иди сюда.

Джейн поднялась, сполоснула лицо у ракушечника и села к столу. Аппетита не было, но хотелось перебраться словом с живым человеком. Она нацедила в кружку воды из чайника, от хлеба и каши, пахнувшей подгорелым маслом, отказалась.

– Чего нос воротишь? – нахмурилась Виктория и сама себе ответила. – Да, понимаю. На воле ты к разным деликатесам привыкла. Тебе колбасы свежей дай. Или икры. Это ты сожрешь. А простую пищу на дух не переносишь. Так?

– Мне нездоровится, – ответила Джейн. – И почему вы со мной разговариваете в таком тоне? Как с врагом?

– А кто ты и есть, поганка проклятая? Что б у тебя глаза лопнули.

Королева Виктория высунула язык в нездоровом белом налете, слизала горчицу с лезвия ножа. Минуту она неотрывно смотрела на Джейн. В прищуренных глазах пылали огоньки ненависти.

– Люди мне рассказали, почему ты тут оказалась. Что ж... Значит, есть божий суд. Значит, бог все видит. Ни одно злодеяние не ускользнет от его ока. Он, – Виктория подняла палец к потолку, – схватил тебя за жопу. Крепко схватил. И теперь уж не отпустит.

Джейн жалела, что встала.

– Что произошло?

– Ты все знаешь, гадина, без моих рассказов. Это ты заставила моего сына украсть деньги из банка. Ты его уговорила. Мол, поживем красиво. Как люди живут. А он, дурак, послушал. Это тебя он водил по кабакам. Тебе покупал бриллианты. Тебя на море в Крым возил. На солнце жопу греть. Из-за тебя его инвалидом сделали. А старуху мать засунули в бойлерную. Подыхать от чесотки и гнить заживо. Вот чего ты, сука, наделала. Вот чего сотворила, проститутка дешевая.

Джейн опешила, едва не открыв от удивления рот, она смотрела на Викторину, стараясь понять, что случилось. То ли соседка перегрелась у топки, то ли ее накачали водкой, то ли дело обстоит гораздо хуже.

– Я никогда не видела вашего сына, – Джейн старалась сохранять спокойствие, но голос дрогнул. – Даже на фотографии не видела. Икру я не ем. А в Крыму ни разу не была. Успокойтесь, вам надо...

– Заткнись, мерзавка, – огоньки в глазах Викторины погасли. Зрачки сделались белыми от ярости, она пристукнула кулаком по столу так, что подпрыгнул тяжелый чайник. – Змея подколотная. И ты еще смеешь... Ты, тварь, довела меня до самого края. До этой помойной ямы. Моего сына в инвалидное кресло посадила. Кусок заразы – вот ты кто.

– Я не хочу слушать этот бред, – Джейн отодвинула кружку с водой.

Викторина привстала, схватила со стола нож. Джейн, опрокинув табурет, вскочила на ноги. Она не сводила взгляд с ножа, зажатого в черном от угольной пыли кулаке. И медленно пятилась к стене, будто там ее ждало спасение. Ножик неновый, но, видно, сделан из настоящей стали. Остро заточенное лезвие, широкое и длинное, фиксируется специальным стопором. Такой штукой корову можно зарезать, а уж человека – раз плюнуть.

* * *

Дядя Вова и Девяткин устроились за столом в большой комнате, где из окна видны голые деревца и пара девятиэтажных домов через дорогу. Хозяин сказал, что врачи запретили злоупотреблять, но правила для того и придумывают, чтобы их нарушать. Иначе зачем нужны эти чертовы правила? Рюмка коньяка для больного сердца все равно, что чистый мед. Сплошная польза, плюс хорошее настроение.

– Как ты знаешь, в штатном расписании МУРа нет должности: «ответственный за работу с экстрасенсами», – Шаталов разрезал курицу на несколько частей и облизнулся. – И не все работники центрального аппарата догадываются, что с полицией сотрудничают люди с неординарными способностями. А ведь такая работа ведется давно. Началась она сразу же после второй мировой войны. Если дело громкое, например, убийство какой-то известной персоны или политическое преступление, могут создать группу из работников прокуратуры и уголовного розыска. И к работе подключат экстрасенса. А надо, – двух или трех.

– И много таким Макаром дел нащелкали? – Девяткин подсел к столу.

– Да уж немало. Помнишь некоего Кобзева? Ну, этот тип, полный отморозок и урод, в своем подземном бункере мучил и убивал женщин. Жертвам от двенадцати до семидесяти лет. В суде удалось доказать только восемь эпизодов, то есть восемь трупов. На самом деле, жертв гораздо больше. В газетах писали, будто этого подонка выследили менты. Что мы якобы провели упорную, кропотливую работу. Художественный треп... Район, где искать убийцу, а потом и точное место пыточной камеры, указала Белова.

– Припоминаю... Делом, кажется, занималась прокуратура. В суде было закрытое слушанье. На этом настояли родственники убитых.

– Точнее, работала объединенная бригада: три сотрудника МУРа, в том числе и я. И еще следователи прокуратуры. У нас не было ничего, только несколько изуродованных полуобгоревших трупов. Точнее, фрагменты тел. Одной из жертв оказалась дочка большого человека со Старой площади. Подключили лучших сыщиков, но результат был нулевым. Тогда вспомнили о Беловой. Сначала ничего не двигалось. У Беловой есть один недостаток: она плохо чувствует людей или вещи, если те находятся под землей. С трудом находит захороненное тело или предмет. А камера пыток Кобзева находилась на глубине четырех метров.

– Кобзева расстреляли?

– Он отбывает пожизненное заключение в тюрьме особого режима. А для уголовного дела, что было направлено в суд, мы нашли липовых свидетелей. Из наших нештатных осведомителей и других заинтересованных граждан. Один мужчина якобы видел, как Кобзев дождливым вечером остановил машину на проселочной дороге. И посадил девушку, которую впоследствии нашли убитой. Другой человек видел, как Кобзев закапывал труп. Третий еще что-то видел. Ну, не могли мы Белову подставлять. Если бы судья и заседатели узнали, что Кобзева нашли при помощи экстрасенса, его освободили бы прямо в зале суда. И сняли все обвинения.

Дядя Вова, потирая ладони, стал раздумывать, какую бутылку приговорить первой, а какую на потом оставить. Решил начать с благородного французского коньяка.

– По-человечески мне даже жаль эту Белову, – дядя Вова захрустел соленым огурцом. – Что есть ее способности? Это дар божий или проклятье? Она живет в своем странном пугающем мире. В мире видений, полуфантастических полуреальных. За те двенадцать лет, что Антонина сотрудничает с нами, она насмотрелась разных картинок. Такое видела, отчего у крепкого мужика крыша поедет. Однажды она сказала мне, что эти образы живут в ней, остаются зримыми.

– Это как же?

– Она видит расчлененные трупы, тела, сожженные на кострах, в ямах, в бочках из-под удобрений или мазута. Видит людей, от которых не осталось ничего кроме старых истлевших фотографий. Она видит женщин, зарубленных ревнивыми мужьями. Трупы, растворенные в концентрате серной кислоты. Тела утопленные в реках, съеденные рыбами. Видит морды маньяков, жестоких убийц, насильников, садистов... Всего не перечесать.

Девяткин попробовал баклажаны с орехами, изготовленные лично дядей Вовой и в знак восхищения поцокал языком.

– М-да, этой барышне не позавидуешь, – сказал он.

– Она живет в аду, – Шаталов зацепил вилок кусок соленой рыбы. – Не понимаю, почему Белова до сих пор не сошла с ума. Или не покончила с собой.

– Как она может видеть, например, сгоревших мертвецов, от которых горстки пепла не осталось? – Девяткин положил в тарелку салата, на вид очень аппетитного, с морковью и сладким горошком. – Как все это устроено, то есть...

– Если бы я знал ответы, давно получил Нобелевскую премию. Уехал как можно дальше от этого сумасшедшего дома под названием Москва. И выращивал камелии и розы в каком-нибудь чудесном месте земли. Желательно рядом с морем.

– Но ведь существует какое-то объяснение...

– Феномен Беловой изучали лучшие специалисты страны. Эту женщину обследовали под микроскопом: ее кровь, записи биотоков головного мозга и так далее. С точки зрения современной науки Белова нормальный человек без ярко выраженных отклонений и патологий. Я знаю одно: она не впадает в транс, не бьется в припадках. Она просто рассказывает о том, что видит. Или видела. Так человек, вернувшись из отпуска, рассказывает о курортных впечатлениях. Если ты хочешь знать, каков процент раскрытых с ее помощью преступлений, ответчу: сорок на шестьдесят. Не в пользу Беловой.

– Сорок процентов... Хм, это неплохо.

– Для начала предоставь ей все материалы, собранные по делу. Не дави на нее, не торопи, отнесись к человеку уважительно. А там уж как кривая вывезет.

Девяткин вышел на улицу, когда окна в домах уже гасли. Он поймал такси и, устроившись на заднем сидении, подумал, что с дядей Вовой по-прежнему трудно тягаться. Он в прекрасной форме по части выпивки. И, пожалуй, мог бы отпахать в полиции еще лет десять, но молодые парни дышат в затылок, рвутся в бой. Положено уступать дорогу. Хотя и не хочется.

Глава 14

Виктория держала нож крепко. Положив большой палец на край лезвия, она готовилась нанести прицельный удар, от которого не будет спасения. Лучше всего попасть в живот, ударить сверху вниз, распоров брюхо от лобка до ребер. Если эта тварь не подохнет сразу, то истечет кровью за пять десять, а то и быстрее.

Джейн остановилась, оперевшись спиной в стену. Дальше отступать некуда. Рука с ножом пошла снизу вверх. Джейн выбросила вперед левую руку, успев перехватить запястье Виктории и со всей силы крутануть предплечье по часовой стрелке. Виктория, не ожидавшая такого сопротивления, вскрикнула. Но ножа не выпустила.левой рукой без замаха ударила Джейн открытой ладонью в глаз. Та вскрикнула от боли, ослабила хватку.

– Зараза, – прошипела Виктория. – Недолго тебе осталось...

Виктория пнула своего противника носком башмака в голень. Вырвала руку с ножом, отвела ее за спину. И снова попыталась ударить снизу вверх, метя лезвием в низ живота. Джейн закричала от боли в ноге и страха, который сильнее боли.

Но все же успела захватить предплечье Виктории двумя руками, крутанула его изо всех сил. Королева Виктория ударила Джейн головой в нижнюю челюсть. Облезлый потолок поплыл перед глазами, пол накренился в сторону. Джейн не выпустила руку с ножом, напротив, крепче сжала ее и дернула на себя. На этот раз тонко закричала сама Виктория. И лягнула соперницу костяным коленом в бедро. Через мгновение женщины оказались на полу. Виктория навалилась сверху, оседлав Джейн, сжала бедрами ее грудь. Королева вырвала руку, занесла нож над головой. Сейчас она метила в горло.

– Сука, умри же...

Джейн, что есть силы ударила Викторию кулаком в грудь слева, а справа в нижнюю челюсть. Затем оттолкнулась от пола ногами, пытаясь перевернуться на бок. Но ничего не получилась. Виктория лишь зарычала, Джейн снова ударила, кулаком наотмашь по лицу. В ту же секунду замигала лампочка над дверью. Загорелась ярче и вдруг погасла. Что-то металлическое упало на бетонный пол, это нож вывалился из раскрытой ладони. В ту же секунду Виктория всей массой навалилась на сверху, прижала к полу.

Виктория крепко ухватила свою жертву за шею, стиснула твердые, будто сделанные из металла, пальцы. Джейн захотела закричать, позвать на помощь. Может быть, ее крик услышит человек, что топчется в коридоре и иногда заглядывает в комнату через глазок. Лампочка загорелась и снова погасла. Затем свет вспыхнул ослепительно ярко. Лицо Виктории, перепачканное угольной пылью, оказалось совсем рядом. Она дышала прерывисто и тяжело, с нутряным свистом, дышала прямо в полуоткрытый рот Джейн.

– Умри, гнида, – хрипло прошептала Виктория, с новой силой сжала горло своей жертвы. – Ну, ну... Давай... Сдохни...

Теряя силы, Джейн шарила рукой по полу. Нож должен быть где-то здесь, рядом слева. Лампочка часто замигала и совсем погасла. В тишине было отчетливо слышно, как пыхтит Виктория, сдавливая горло ненавистной суке в человеческом облики. Но вот за дверью раздались чьи-то шаги. Лязгнул засов. Или эти звуки лишь послышались Джейн? Она ловила воздух широко раскрытым ртом, но воздуха не было. От напряжения носом хлынула кровь.

Джейн подумала, что скудный запас сил иссяк окончательно, никто ее не услышит, не придет на помощь. Потому что сил не осталось даже на этот последний крик. Она попыталась выплюнуть кровь, заполнившую рот, но закашлялась. Онемевшей рукой еще раз провела по бетонному полу. Кончики пальцев наткнулись на что-то твердое и острое. Кажется, лезвие ножа... Лампочка вдруг мигнула и погасла.

– А-а-а-а. А-ам-ам...

Кто это крикнул? Звук прокатился под сводчатым потолком комнаты, эхом разнесся по коридору, вернулся обратно и наконец стих. Тело Виктории обмякло, пальцы, сдавливающие шею, потеряли твердость. Джейн почувствовала, что ее кофточка залита какой-то жидкостью, горячей и липкой. Королева Виктория прижалась к Джейн мокрой щекой. Сбросить с себя грузное тело труднее, чем сдвинуть гору. Джейн сделала глоток воздуха, вдохнула еще раз и лишилась чувств.

* * *

В тот день удача не улыбнулась Диме Радченко. Все утро он мотался по коридорам казенных учреждений. Переходя с этажа на этаж, он обошел десяток кабинетов, стараясь выяснить, куда и с каким диагнозом госпитализирован воспитанник детского дома «Солнечный круг» Коля Степанов. Дима перекусил в закусочной, что выходила окнами на рыночную площадь. Он жевал бутерброд, через запотевшее стекло витрины наблюдая, как мокнет под дождем мотоцикл. И раздумывал, куда бы направить стопы.

Поскольку ни в комитете образования, ни комиссии областной думы по здравоохранению даже не подозревали, что такой ребенок существует на свете, придется зайти с другого конца. Допив кофе, Дима позвонил старому приятелю Анатолию Васильеву, большому человеку в областной коллегии адвокатов. Васильев имел частную практику в Калуге и лично знал половину города.

Вскоре Дима остановил мотоцикл возле двухэтажного здания, два века назад принадлежавшего богатому купцу. Вбежал наверх по широким ступеням крыльца. И через пару минут сидел в кресле напротив румяного мужчины неопределенных лет.

– Я навел справки, – хозяин кабинета вытащил из стола коробочку конторских скрепок, вывалил их на столешницу и стал перебирать пальцами, будто что-то искал. – Но лучше бы я этого не делал. Теперь вопросов стало еще больше. А ответов меньше.

– Вот как? – Радченко удивленно вскинул брови.

– Почему ты вдруг озабочился поисками какого-то сироты? – спросил Васильев.

– Долгая история, – ответил Радченко, решив, что все подробности дела не следует доверять даже старому приятелю. – Я действую в интересах своих клиентов. Это дело об усыновлении ребенка иностранцами.

– Пока ты сюда ехал, я сделал несколько звонков компетентным людям, – сказал Васильев. – Странная эта история. Коля Степанов – воспитанник детского дома под номером таким-то, у него есть еще и название «Солнечный круг». Якобы последние пару дней мальчик жаловался на головные боли, плохо спал. Тут я сделаю одно замечание. Получить направление на обследование ребенка в областной больнице – дело трудное. Особенно – если этот ребенок сирота. Но тут мы наблюдаем просто чудеса оперативности.

– То есть?

– Едва Коля успел пожаловаться на головные боли местному фельдшеру, как тот уже связался с областным комитетом здравоохранения, – сказал Васильев. – Оттуда в интернат прислали машину за Колей и еще тремя детьми, которые тоже жаловались на здоровье. Детей отвезли в областную больницу в Калугу. На следующий день тех троих воспитанников вернули в «Солнечный круг», потому что не нашли ничего серьезного. А Степанов еще сутки оставался в отделении онкологии. Якобы ему там делали какие-то анализы. А на второй день его отправили в московскую больницу. Там есть специальная аппаратура для исследования опухолей мозга. Вот адрес больницы.

Васильев положил на стол листок бумаги и продолжал рассказ.

– Попахивает идиотизмом или мистикой. Дети растут в сиротском приюте, как чертополох на свалке. Их никто в упор не видит. Их не замечают годами. И вдруг такое трогатель-

ное внимание к отдельно взятому сироте. С чего бы? Откуда взялась эта чуткость, эта забота о судьбе брошенного ребенка? Больные дети ждут анализов неделями, а то и месяцами. А тут и ждать не надо. Действие разворачивается со скоростью света. Коля уже в Москве. И его консультирует какой-то именитый профессор. Может быть, будущие приемные родители способствовали этому чуду?

– Ни в малейшей степени. Лайзи и Стив последний раз видели Колю шесть дней назад, – Радченко, крутил на пальце брелок на стальном кольце. – В этом детдоме свидания разрешены не чаще, чем раз в неделю. Короче, никаких жалоб на головные боли и бессонницу в помине не было. И вдруг закрутилась эта музыка.

– Что ж, желаю удачи, – Васильев снова собирал цепочки из скрепок. – Если есть возможность, откажись от этого дела. Плюнь на него и забудь навсегда.

– С чего это вдруг?

– Я привык доверять своей интуиции, – ответил Васильев. – Она подсказывает мне, что за всеми этими манипуляциями скрывается скверная история. И очень опасная.

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, скажем, похищение ребенка с целью трансплантации внутренних органов. Или еще что-нибудь. Пострашнее. Нечто похожее случилось в одном областном детдоме, когда оттуда якобы сбежали три мальчишки и одна девочка. Через месяц в соседней области их трупы нашли в заброшенном канализационном коллекторе. Еще у живых детей удалили все, что только можно удалить. Печень, почки, глазные яблоки... А следователь прокуратуры, который слишком рьяно раскручивал преступление, погиб при невыясненных обстоятельствах.

– Страшные истории только возбуждают воображение.

– Все шутишь? – усмехнулся Васильев. – Пора стать серьезным человеком. Сейчас можешь заехать в больницу, откуда мальчика отправили в Москву. Там есть один человек, который ходит на воле, потому что я очень за него хлопотал. Он даст тебе копию направления Степанова на обследование и лечение в московскую клинику. Эта бумажка пригодится.

Радченко спустился вниз, застегнул «молнию» куртки и забрался в седло мотоцикла. Он подумал, что исчезновение мальчика может быть как-то связано с похищением Джейн Майси. Если Колю удастся найти, это будет... Радченко не довел мысль до конца. Выжал газ и рванул с места.

Глава 15

Девяткин вышел из последнего вагона электрички. Перрон пуст. Справа, припорошенная снегом, будка с крошечным окошечком, там продают билеты на пригородные поезда. За платформой глубокий овраг и посадки сосен в три ряда. За ними снежное поле, граница которого сливается с серым небом.

Девяткин подумал, что экстрасенс Елена Белова живет слишком далеко от Москвы, да и место здесь не самое живописное. Он поставил на землю тощий портфель, вытащил из кармана кусок бумаги, на котором был нарисован план местности. Если двинуть напрямик, через лесопосадки, путь сократится вдвое. Нужно перейти овраг, а дальше дорога через поле...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.